

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Яков Шафран

В пути

Рассказы

Тула – 2012

2 | Яков Шафран

В пути

ББК 84-4(2Рос-Рус)
УДК 882-3
ШЗ0

Яков Шафран. В пути: рассказы / Сост. Я. Н. Шафран;
Предисл. В. Г. Сапожников. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. – 100
с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-7679-2195-9

Рассказы Якова Шафрана, представленные в сборнике – это логичное развитие основных тем его предыдущих книг: «Любимая прости», «Спасение рядом» и «Жизнь как один день». Повествования о судьбах людей, о том, что ими движет в различных жизненных обстоятельствах, приоткрывают читателю тайники и его собственной души, рожают в его сознании вопросы: а что я бы сделал, а как я поступил бы, и поступил ли? И еще раз напоминают нам, что "Зряче одно лишь сердце, самого главного глазами не увидишь"... Но и этого мало, если нет главного – укорененности человека в Истине и в родной земле.

Художник – О. В. Чмыр

ISBN 978-5-7679-2195-9

© Шафран Яков Наумович,
2012
© Чмыр Олеся Владимировна,
оформление, 2012
© Издательство ТулГУ, 2012

К ЧИТАТЕЛЮ

Сборник Якова Шафрана начинается небольшим рассказом, который задает такт всем последующим произведениям. Так же, как и воспитанные в детстве любовь к Родине, гражданственность, нравственность, уважение к старшим и их пути задают такт всей жизни человека. Впрочем, как и другие основы задают свой, иной, такт...

По разному проявляются люди в обстоятельствах жизни. Часто такие проявления непонятны нам, порой даже кажутся нам странными. Но вместо того, чтобы попытаться понять, мы спешим не рассудить, а осудить...

В книге находим по одному рассказу из предыдущих сборников Я. Шафрана – «Спасение рядом» и «Жизнь как один день». Это говорит о преемственности книг, о том, что писателя волнуют те же темы, о постоянстве его духовных и душевных пристрастий, о позиции.

Рассказы все разные, но объединенные главным – уважением к человеческой душе, равнодушной к формализму, кидающейся порой из крайности тотального коллективизма в тотальный индивидуализм, душе, готовой в силу своей доброты отдать другим все, ожидая и от других того же, готовой из любви к людям даже «причинять им добро». Рассказы, завершающие сборник, говорят о том, насколько важна культурная и историческая память, так как только на ее основе, как на прочном фундаменте и можно построить и дом, и общество, и страну. Всю книгу пронизывает призыв к совести – самому строгому судье каждого человека, свидетелю всех его дел и поступков, призыв к состраданию и взаимопомощи...

Впервые я познакомился с творчеством Я. Шафрана в журнале «Приокские зори», где были напечатаны его «Другая жизнь», «Волшебная флейта», «Не обернись» и

другие рассказы. Автору есть еще над чем поработать в плане литературного мастерства. Но, прочитав сборник «В пути», отмечаю явный рост Я. Шафрана, как писателя. Это отражается в более глубокой проработке тем, затронутых в произведениях, в совершенствовании приемов и методов описания действительности, конкретных жизненных ситуаций, характеров героев. А жизнеописательные факты из давней истории Тулы, литературно переданные в форме писем аспиранта из Москвы, работающего в тульском архиве, делают нас очевидцами и активными участниками их, соединяя времена и людей в едином и непрерывном времени-пространстве.

Рассказы Я. Шафрана безусловно являются продолжением традиций русской литературы, вносят заметный вклад в развивающийся новый русский критический реализм, зная которого впервые поднял академик литературы, наш современник и наставник, главный редактор журнала «Приокские зори» Алексей Афанасьевич Яшин. Во всем этом, по словам автора, очень помогает журнал, с которым он поддерживает не только самую живую творческую связь, но и является заведующим редакцией журнала.

В заключение хочу пожелать, чтобы огромный жизненный опыт Якова Шафрана, глубина его души, любовь к культуре и традициям страны, растущее мастерство писателя и впредь служило возрождению нашей Великой России.

Владимир Сапожников,
член редколлегии ордена Г. Р. Державина
и медалей М. В. Ломоносова и Н. А. Некрасова
журнала «Приокские зори»,
член Союза писателей России,
профессор

ТАКТ

Толик гордым взглядом окинул строй ребят. Все стояли строго по росту – мальчики и девочки от десяти до семи лет. Была середина весны, то время в апреле, когда снег уже весь стаял, ручьи талой воды все утекли в Брагинку, но солнце грело еще не по-летнему.

– В шеренги по трое стройсь!– скомандовал Толик, подражая учителю физкультуры, Василию Ивановичу, бывшему офицеру-фронтовику.

Ребята дружно исполнили команду, и маленькие и большие построились по росту в ровный прямоугольник. Видно было, что большинство из них делало это не первый раз. Но кое-кто был в этой игре новеньким.

– Слышь, Жор, а чего это он раскомандовался? Тоже мне, командир нерусский!..– негромко, но и так, чтобы было слышно, прежде всего, Толику, сказал Сашка и его закадычный друг, Витька, в ответ громко рассмеялся.

– Ну и что? – не одобрил Жорка, у которого мать была русской, а отец – наполовину белорус, наполовину немец, сын Марты Карловны, испокон веку жившей в поселке, до войны работавшей в школе учительницей немецкого языка, а при оккупации – переводчицей в комендатуре. Их семья год тому назад вернулась в родные места из ссылки.– Что с того, что нерусский? Пусть командует, смотри, как малыши слушаются!– заступился он за Толю.

– Кому не нравится, могут уйти,– тихо сказал Толик.– Просто я с ребятами уже давно играю в армию. Думал и вам понравится.

– Нравится, нравится... Ладно, не обижайся, на обиженных воду возят...– примирительно заулыбался Сашка, которого ребята недолюбливали, зная, что он может сказать и так и так.

– Взвод, вперед шагом марш!– скомандовал Толик и, по-военному повернувшись на сто восемьдесят градусов, повел колонну по улице. Они шли, по той ее стороне, где не было тротуара, а, значит, и людей было меньше.

– Левой, левой, левой!– командовал Толик, и ребята дружно маршировали в такт, выбивая ногами клубы пыли. Земля в поселке была песчаной, хорошо прождавшей картофель – основной сельскохозяйственный продукт Белоруссии.

– А кто тебя учил так командовать? Ведь твой отец не был на войне?– то ли спросил, то ли утвердительно заявил в спину Семка, родственник Толика.– Вот мой батяка был всю войну артиллеристом!

Толик вздрогнул, но, не сбиваясь с шага, ответил:

– Да, мой батя не воевал, он – инвалид...

– Ребята, хватит, а еще большие!– вступились за Толика соседские «малыши», которые души в нем не чаяли, так как мало кто из старших ребят водился с ребятами, что были моложе на два-три-четыре года.

– Так, все, Сашка, Сёмка, еще услышу, дружбе конец!– поставила точку Наташа, их с Толиком одноклассница со сделанной из носового платка белой повязкой на рукаве, что означало – медреса.

Отряд маршировал по улице, и прохожие дивились на то, что дети без взрослых так дружно и дисциплинированно делают это. Кто-то улыбался, шутил, а один дядька в прошлом, видимо, военный спросил:

– А куда армия выдвигается?

– Военная тайна!– с гордостью ответил Толик.

В это время громкоговоритель, что висел на столбе линии электропередачи, и из которого лились музыка и песни, замолчал, и через некоторое время из него раздались позывные. Все знали, что они означают какое-то важное сообщение. Отряд продолжал по инерции маршировать, но все ребята наострили уши.

– Внимание, внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!– громко заявил из громкоговорителя голос Левитана.– Передаем сообщение ТАСС о первом в мире полете человека в космическое пространство!

12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический

корабль-спутник «Восток» с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич!..

Небывалая волна гордости и воодушевления объяла Толика. Судя по лицам и глазам своих «солдат», он знал, что то же чувствуют и все ребята. Напрочь испарились все мелкие обиды и недомолвки. Чем они были по сравнению с тем чувством, которое охватило ребят? Что это было за чувство, как его назвать? Они тогда совсем не думали над этим. Это уже потом, через годы, когда стали взрослыми, нашли слова о чувстве гордости за великую и такую родную страну, за небывалый в истории человечества народ. А тогда они шли четким строем, и такт отбивал уже не Толик или кто-либо иной, такт отбивало это невыразимое чувство, окрылявшее их всех, ракетой вздымавшее дух в беспредельные высоты неба, непередаваемо единившее их со всем вокруг. Они шли и сами не знали того, что в глазах их и на лицах светилась широкая открытая и обнимающая все и вся любовью улыбка человека, которого они тогда еще не видели и не знали, человека, имя которого они только несколько минут тому назад слышали. И такая же улыбка была на лицах встречных людей. Казалось, все вокруг, вся страна, весь мир теперь будет сиять этой улыбкой и обретет, наконец, счастье, которое уже ничто и никогда не сможет омрачить.

СОН В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Евгений Иванушкин буквально ворвался в поликлинику. Зуб доконал его, и терпение было на исходе...

А утром руководитель отдела, Николай Петрович, недовольно глядя на талончик, негодовал:

– Совещание через час, мог бы, и после работы!..

И так далее, и тому подобное, мол, важный вопрос обсуждаем – как увеличить объемы продаж и снизить процент возврата продукции покупателями.

– Чтобы к 14-ти часам, как «штук» был здесь!– мрачно произнес Николай Петрович и, творчески подперев лоб рукой, окунулся в первозданную белизну листа.

Иванушкин выскользнул за дверь...

И вот он у кабинета зубного врача. Своей очереди, сидя, стоя, прохаживаясь, подходя и отходя, дожидалось большое количество людей. Больше, чем он думал, убегая с работы. (Нужно сказать, что Иванушкин достаточно хорошо зарабатывал, чтобы лечиться в платных медицинских центрах, но был он скуповат, потому при надобности ходил в рядовую районную поликлинику).

Иногда кто-либо из очереди спрашивал соседа то ли с любопытством, то ли сострадая:

– А вы лечить или дергать?

На ответ – лечить – вопрошающему становилось вроде бы поспокойнее. О, великое чувство сострадания! Мне легче, если еще кому-нибудь нелегко...

Евгений имел номер. Но он, оказывается, здесь ничего не значил. В этой поликлинике царил свой, заведенный испокон веков закон живой очереди – займи и жди. И он сел ждать...

Прошло двадцать, тридцать минут... из кабинета никто не выходил. Иванушкин очень устал, трудясь в выходные на даче, и теперь боролся с дремотой... До 14-ти часов оставалось совсем немного. «Будет нахлобучка»,– подумал он. В очереди также заволновались. Кто-то заглядывал в кабинет, кто-то нервно отбивал дробь ногой или рукой, кто-то громко возмущался. Нарастало всеобщее беспокойство. И, когда появилась женщина в белом халате, Евгений вежливо спросил ее:

– Будьте добры, скоро начнется прием?

Та молча открыла соседнюю дверь, взяла лентяйку, окунула тряпку в ведро, брызнув водой, и лишь затем неохотно проворчала:

– Совещание у них...

И почему-то начала мыть пол именно там, где сидел Иванушкин. Тогда он вскочил и нашел, таки, ту дверь, где проходило совещание. Зуб очень болел, и он, немного потолкавшись у двери – эх, была, не была – открыл ее. Будучи всегда стеснительным, удивляясь своей смелости, громко спросил врача Воронцову.

– Доктор, меня с работы отпустили по талончику, а время кончается! И... болит...

– Ну, а чем я могу вам помочь? Записывайтесь на завтра.

– Но зуб же у меня!..– вскричал Евгений и даже прослезился.

Доктор выпрямилась, твердо посмотрела ему в глаза и сказала:

– Ничем помочь не могу. У нас важное совещание!.. Ждите...

«На какую хоть тему?» – хотел спросить Иванушкин, но врач перед самым его носом захлопнула дверь.

Время неумолимо двигалось вперед. Отпущенный срок давно миновал, однако Иванушкин решил дожждаться. Но на месте не сиделось. «Товарищи по несчастью» своим поведением еще больше нагнетали обстановку. А Евгению и его больному зубу так хотелось покоя! Он не вытерпел, и спустился в регистратуру.

– Скажите,– спросил он,– а на какую тему совещание?

– Как увеличить количество обслуживаемых пациентов без ущерба качеству!

– А вы, почему не участвуете,– не удержался и с чуть заметной ехидцей спросил Иванушкин.

Женщина в регистрационном окошке пристально, словно запоминая его лицо, посмотрела, но ничего не ответила.

Когда Евгений вернулся, прием уже начался... Что происходит в промежутке между открытием и закрытием с обратной стороны двери зубоврачебного кабинета, мы стараемся не вспоминать... Подошла и его очередь. Все произошло в считанные минуты и уже чувство благодарности исходило из того места, где

недавно была адская боль. Позабыв все страдания, он птицей полетел на работу...

На совещание он, естественно, опоздал. Более того, оно уже закончилось.

– Ты что, Иванушкин, подводишь, а? Совещание, сам знаешь, насущное, давно готовилось. Кстати, было много вопросов по направлению, которое ты курируешь. Хорошо, что Галина Михайловна в курсе была, хоть отчасти. Сам был, и недоволен этим остался... Нехорошо, дорогуша. Как зуб-то?

– Нормально.

– Ну, тогда вечером с Галиной Михайловной останьтесь и к завтрашнему дню подготовьте все о положении дел по вашему направлению. Все, по всем вопросам, которые сегодня прозвучали! Вот так, Иванушкин, держай!

Весь вечер Евгений с Галиной Михайловной просидели у компьютера, перерыли кучу папок с документацией... На часах было двадцать два часа. Голова уже не соображала, несмотря на обилие выпитого кофе, и выкуранных сигарет. А еще не на все вопросы были выработаны ответы. Решали, решали, спорили, спорили... и, вдруг, Иванушкин остро почувствовал запах французских духов. Он поднял голову, увидел ясные глаза Галины Михайловны и понял, что пора кончать.

Стоял июньский вечер, солнце еще не зашло и его дети-лучи, пробивавшиеся между домами и деревьями, все не хотели уступать место отпрыскам луны. Старушки и старики, сидящие у подъездов, не торопились, несмотря на поздний час, освобождать лавочки подросткам, кучками толпящимся во дворе. Подходя к двери своего подъезда, Евгений спиной чувствовал, как «бдящая» общественность молча повернулась ему вслед. «Ведь запоминают: такого-то во столько-то тот-то и тот-то... вот, черти»,– подумал он, отворяя дверь.

– Вам кого?– раздалось, когда Евгений вошел.

Жена, молча и упорно смотрела на него из кресла. Он столько натерпелся за день, что устало опустился на диван напротив неё.

– Вера, понимаешь, срочная работа...

– Ага, срочная! Раньше у тебя ничего такого срочного (она сделала ударение на этом слове) не было! Зуб теперь не болит?! А ведь как болел!.. Ты не в поликлинике ли был, а?

– Я был там днем... Просидел несколько часов... И Николай Петрович заставил нас остаться и доработать вопросы... – уныло мямлил Иванушкин.

– Кого остаться?

– Это что, допрос?... Бюро мое.

Желая как-то смягчить ситуацию, Евгений подошел к Вере поближе и попытался ее обнять. Но она почему-то насторожилась и несколько раз потянула носом.

– Ну, и как бюро?

– Нормально...

– Я чувствую...

– Что ты чувствуешь? – Иванушкин стал догадываться

Жена ничего не ответила, села и, вдруг, расплакалась.

– Бабу завел, да? Конечно, я тут как белка в колесе... На кого только стала похожа?!

– Вера, пойми, сейчас главное добиться объемов и чтоб не было возвратов... – сам, уже не зная что, бормотал уставший от всего Евгений.

– Объемов?! Да, тебе всегда нравились толстые! Ты не можешь на них ровно дышать!.. Что не слишком толстая оказалась, пришлось вернуться?!.. Возвраты... знаю я ваши возвраты!.. – в истерике выкрикивала Вера, и в глазах ее сверкали злые слезы.

– Вера, опомнись, ты, о чем и... о ком говоришь?!

– О семье подумай!.. Не могу я так больше, не могу!.. Ты думаешь, я не помню, почему ты тогда устроился в эту фирму? Там работала твоя сокурсница, с которой у тебя тогда...

– Вера, что ты несешь?!..

Он опустился в кресло. Мыслей не было. Ужасно болела голова...

Всю ночь перед ним мелькали файлы, папки, документы, клавиши клавиатуры, диски, по воздуху летали какие-то бумаги. То, вдруг на него наезжала бормашина, то откуда-то появлялось игривое личико секретарши, то французские духи по сходной цене, то листы так и не написанного романа... А вот они с Верой, с молодой и симпатичной в парке целуются, смеются... Но не успел он порадоваться, как откуда-то появились кастрюли с сумками, и маленький гутаперчивый куколенок, который стал катастрофически быстро расти и превратился, вдруг, в здорового и лохматого дылду. Что странно, Иванушкин вроде бы и знал, и не знал его. Дылда сказал что-то на полурусском языке и стал с остервенением нажимать на клавиши компьютера. Побежали кадры какой-то вначале виртуальной, а, глядишь, уже и не виртуальной действительности. Затем все исчезло, как будто оборвалась лента в допотопном видеомэгнитофоне... И Евгений ощутил сердце. Вначале оно было маленьким комочком в груди. Потом оно уже было и не оно, стало легким и прозрачным, как воздушный шар, который поднял его. Иванушкин полетел, как в далеком сне. Но, как часто бывает во сне, только он захотел засмеяться от радости, шар сжался до размеров мыльного пузыря, и... лопнул, но уже в груди...

Евгения привезли в больницу, раздели, составили опись вещей. Облачили, отвезли и положили. Никто не подходил. Но странным для него сейчас было не это, а то, что он все это видел как бы со стороны.

Вошла нянечка и стала деловито влажной тряпкой перемещать пыль с одной половицы на другую. Жена со слезами бросилась к ней.

– Скажите, а врач скоро придет?

– У них совещание... Решают, как сократить смертность, чтоб уменьшился процент возвратов.

... Иванушкина толкнули в плечо.

– Ваша очередь!

«Надо же, заснул», – подумал он, и вяло двинулся к зубодробительному креслу...

КУРИННЫЙ КОЛДУН

Вся деревня ходила ходуном. Колька Лазуткин решил стать фермером. И ладно бы как другие, а тут птицефабрику строить решил. Больше всего волновались женщины.

– Теперь света белого не взвидим от этих кур!..

– Нате – птичник!..– начинались то тут, то там разговоры.

Мужики больше сосредоточенно помалкивали и жали дым махры вперемишку с перегаром.

– Где строить-то будешь?– не выдерживали самые любопытные.

– На самом лучшем месте!– отвечал Колька и загадочно улыбался...

На следующий день Лазуткина видели ходящим по деревне и вокруг нее с какими-то изогнутыми веточками в руках. Он то и дело останавливался, ветки у него крутились, а он что-то записывал. «Лозоходец!» – сказал Степаныч – грамотей-агроном бывшего колхоза.

Вначале кое-кто бродил за ним, недоуменно взирая на Колькины действия. Но, в конце концов, даже самые терпеливые, покрутив пальцем у виска, или махнув рукой, оставляли его. И только деревенская детвора, хохоча, бегала вслед и, кривляясь, повторяла его действия. Да еще собаки, возбужденные этой беготней, не отставали от детей, принимая все за новую игру.

Наиболее же степенные жители деревни только издали скептически поглядывали на это странное явление жизни, вдруг явившееся в их тишь да благодать.

Наконец, Николай остановил свой выбор на участке за околицей на берегу речки Истринки недалеко от трех растущих рядом берез. Старики говорили, что здесь в незапамятные времена стояла барская часовенка. Он отложил свои приспособления и стал мерить участок шагами.

Тут некоторые заволновались:

– Ты чего это, место-то общественное, отхряпать хочешь?..

– Кто позволил?!

– У меня разрешение!– на все отвечал Лазуткин, и вытаскивал какую-то бумажку. Люди подходили, глядели и молча, поплеывая сквозь зубы, отходили.

Через несколько дней на участке появился небольшой сарайчик. Те, кто заглядывал, видели несколько кур, сидящих на насесте. Любопытные сменяли друг друга возле сарайчика, так как «чудило» объявил, что двери он закрывать не будет. И ночью они оставались открытыми.

А наутро Колька созвал жителей.

– Сидят! Все сидят! Ни одна не сбежала, хоть и двери нараспашку!..

На седьмой день Лазуткин угощал сельчан. Он объявил, что построил курятник на месте, где самая лучшая энергия в деревне. Между тостами он зачитывал им вырезки из газет и журналов про всякие интересные явления. Все прошло как надо – в конце изрядно «набрались». Имеют же люди право...

Но коротко сказывается, долго дело делается. Построил Николай на этом месте экспериментальный птичник. Ровно сотню несушек и десяток петушков поселил он там. Корму дал, напоил...Снова отметили событие...

...А наутро проезжающие мимо деревни наблюдали такую картину. По улице двигалась толпа разъяренных людей. В самой середине в разорванной на груди рубашке – Колька. По бокам, держа его за руки, двое мужиков. Кругом бабы. Крик, гвалт! И все норовят хлестнуть Кольку хоть чем, хоть платком, хоть полотенцем, хоть веником, а то и просто хворостиной.

– Книжник поганый!..

– Ух, тебя!..

– Курей наших воровать, ишь удумал!..

Поодаль молчаливая «мохра с перегаром». А первыми, да задом наперед, рот до ушей – ребята. Не каждый день такое увидишь.

В толпе шла женщина, по виду самая несчастная из всех. Это была Настасья – жена Николая. Она молча

несла на вытянутых руках объемистую кипу бумаг. Вот отделившись от толпы, направилась прямо к костру, едва тлевшему возле стана, да с размаху все бумаги в огонь.

— В чем дело?— спрашивали одни у других. Но не получали вразумительного ответа. Да и некогда было.

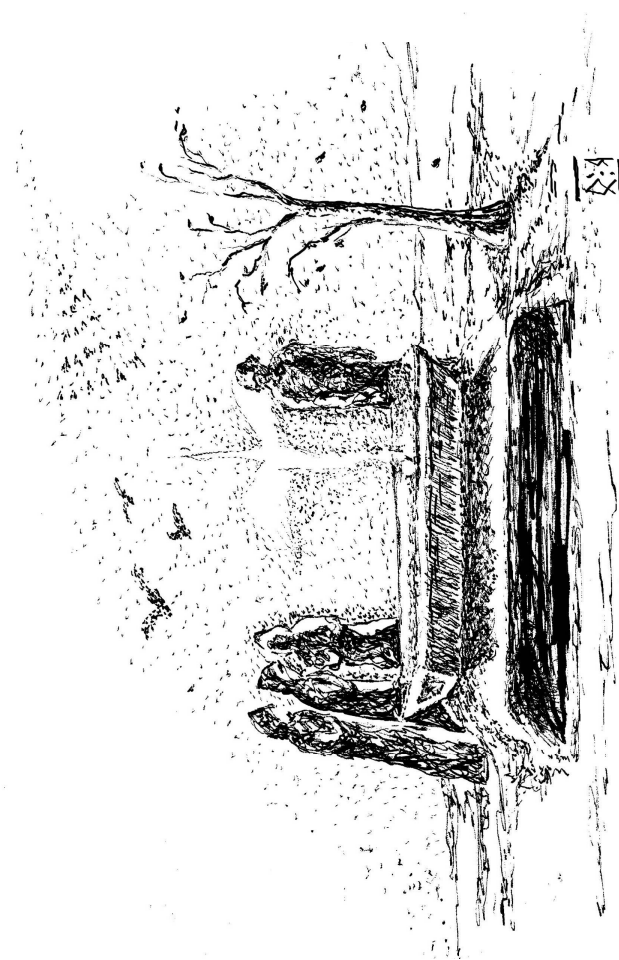
У птичника все оставили Лазуткина и бросились расхватывать кур, которых бес попутал, одним словом сбежались они поголовно со всей деревни... Но, так или иначе, курятник сломали, курей своих по домам разобрали. Так прекратилось это возмущающее естество безобразие. А Лазуткина стали звать с тех пор в насмешку «куриным колдуном».

БОМЖ

Василий неспешно брел по мосту, что широко раскинулся над железной дорогой и далее над речкой, сейчас, зимой, заметенной снегом, и оттого кажущейся широкой, а летом — мелководной, зажатой разросшимися деревьями и кустарниками, все более наступающими на нее, заполненной водорослями и затянутой тиной. А ведь он еще на своем веку помнил речку более широкой и более чистой. Знающие люди говорили, что лет сто пятьдесят тому назад, она была полноводной и красивой, в ней водилась рыба, а в жаркие дни здесь у моста было массовое купание горожан.

Он любил мост. Если очень медленно идти по нему, останавливаясь и подолгу глядя на темные застывшие фигурки любителей зимнего лова, то так можно было провести минут пятнадцать времени в один конец. А если по два раза туда и обратно, то и час времени можно было убить. Ведь ему некуда было спешить.

Василий любил мост еще и потому, что по нему обычно шло гораздо меньше людей, чем по улице. Нет, он любил людей, но боковым зрением подмечал, как они произвольно старались обойти его, а если это не позволяла уличная скученность, то хотя бы отвернуться. Только бродячие кошки и собаки не чурались его.

— — —

Чуть поодаль за рекой – его родной завод, на котором Василий проработал токарем почти пятнадцать лет. Все так же стоят корпуса, трубы, и проходная – на месте. Утром также торопятся пройти в нее люди – правда, их становится все меньше и меньше. Что-то иногда вывозят с завода на грузовиках – подмечал Василий – значит, работа какая-никакая идет. А вот в его времена завод все три смены кишел людьми. На то и слово такое – завод, завели и работает. Последние годы, а ныне – и более того, завод стал кончаться, ослабла пружина, некому и нечем стало завести...

Однако, когда Василию надоедало ходить по мосту взад и вперед, он возвращался на улицу. Он старался держаться ближе к местам, где можно было найти пропитание, спасаясь в холода и непогоду трассами теплоснабжения, подъездами домов с чердаками, в которые в дневное время, если повезет, можно было зайти вслед за милосердным или, наоборот, безразличным жильцом. На свалках, куда частенько выбрасывали старую деревянную мебель и строительный мусор, можно было найти, наломать и натаскать в укромный угол деревяшек, и, запасаясь заранее кипой газет, разжечь небольшой костер. Но это только в сухую зимнюю, позднеосеннюю или, наоборот, ранневесеннюю, опять же, сухую погоду. А вот в зимнюю ростепель, какие сейчас все чаще и чаще бывают, или в промозглое межсезонье, когда все, в том числе и газеты за паухой, отсыревает, костер уже не разжечь. В благодатную же летнюю пору Василий, поев, уходил на берег реки и там бродил или спал на траве до тех пор, пока снова не захочется есть.

Тут в километре в спальном районе был старый двухэтажный дом, из тех, что строили пленные немцы после войны. Дом был уже расселен, но его на протяжении двух лет почему-то не сносили. Этажи были отключены от электричества, от газо- и теплоснабжения (внизу все было «завернуто»), а газовые и водопроводные трубы с батареями, как и прочие атрибуты жилого помещения, тут же буквально за ночь

вынесли рачительные дачники и городские огородники). Но в подвалах было тепло – забыли, видимо, по рассеянности или еще по каким-то неведомым причинам отключить горячую воду. В доме этом и ночевали местные «бомжи»... Однако дом вчера все же снесли. «Бомжи» разбрелись кто куда. Василий же, однолюб, пока никак не мог стронуться с привычных мест, с которыми у него много было связано по жизни. Но ночевать-то где-то нужно было – зима ведь на дворе. Что делать? На всех подъездах на сейчас – кодовые замки – не зайти. А если даже дожидаться пока кто-то выходит или заходить будет, то не пустят, прогонят прочь «вонючего «бомжа». Да даже если и зайти – с площадки прогонят, а проходы на чердаки и райские места – подвалы – закрыты на прочные замки. Остается только, если кто-то из милостивых жильцов или дворник пустят в подвал переночевать, согреться, а то и пожить, как в собственном доме. Но вероятность этого невелика... Можно было бы на теплотрассе пристроиться – тут участок недалеко над землей проходит. Но мороз сегодня крепкий и ветер сильный, от которого не укрыться...

Да... хорошо, когда тепло. Костер бы сейчас не помешал. И чтобы горел, не угасая, и греться, греться возле него, выгреть всю стужу из тела, избыть эту хроническую застарелую дрожь, ставшую уже внутренней дрожью, дрожью, казалось, каждой клеточки. Представил Василий этот костер, в огне горящие поленья, вспомнил, как в детстве любил смотреть в топку печки – жили они в частном доме, – слушать, как потрескивает огонь, любил бросать в него старые газеты и наблюдать, как они, охваченные голубыми языками пламени, разворачиваются, на миг еще сохраняя свои письмена, и рассыпаются в пепел. Однажды, будучи еще несмышленым пацаном, бросил он в огонь рублевую бумажку, а мать увидела и всыпала ему. Но успел он увидеть – красиво горел рублевик, совсем не так, как газетная бумага. Потом мать

объяснила, сколько всего она могла купить ему на этот рубль. Вася долго переживал...

Деньги горят красиво, и в прямом и в переносном смысле. Так и сгорели в большой, страшной, но невидимой – мерзнувшей Василии все никак не мог подобрать слов для названия – той «печи», сгорели все их с женой Антониной сбережения. Только тогда, в начале девяностых, не сами они бросили деньги в «огненное жерло», а эта, как потом выяснилось, ненасытная «печь» сама втянула их – и не только их, а миллионов людей – деньги в свое чрево. А те немногие, что были в наличии на руках, как и зарплаты, вмиг обесценились. Суммы, достаточной для покупки цветного телевизора с большим экраном и хорошего холодильника в купе с ним, теперь хватало лишь на несколько буханок хлеба. Хорошо еще, что детей у них не было!

Подбила Василия жена тогда, в девяносто четвертом, вместе податься в «челноки». И подались, стали на пару ездить в Турцию, возить оттуда тюки с баулами, набитые вещами и обувью, и торговать на рынке. Первые два дня торговли, как сейчас помнил он, прошли бойко – Антонина энергично призывала покупателей, могла преподнести им товар с лучшей стороны... А на третий день подошли к ним трое крепких улыбчивых ребят.

– Хорошо работаете, – говорят, – мы тут наблюдали. Пора и делиться – без охраны сейчас никак нельзя. Могут обидеть нехорошие люди и сильно. Будете нам «отчинять» столько-то и столько-то – никто и близко к вам не подойдет. Торгуйте на здоровье хоть до второго пришествия!

Не понял Василий – не то, что они имели в виду, – не понял, зачем и почему они с женой должны отдавать «кровно заработанные» кому-то, никакого отношения не имеющему к их труду. Заартачился он, а те – еще настойчивее. Заартачился Василий еще сильнее, а у ребят тех не только улыбки сошли с лиц, но и порозовели они сильно тогда. Василий ни в какую –

«Нет! – говорит. – Пойдите прочь, бездельники! Ни гроша вам, оглоеды, не будет!»

Изрядно побили они тогда Василия. Антонина кричала в голос, но никто на подмогу так с места и не сдвинулся. Избили так, что все внутри отбили. Деньги все, что были к концу рабочего дня (а день тот был намного удачнее первых двух) отобрали, и из товара все, что приглянулось, прихватили, а остальное свалили с прилавка и вешалок в грязь – накануне всю ночь лил дождь...

Холод забирался вовнутрь, и от него никуда не деться. Из тамбура ближнего супермаркета его вчера выгнал заступивший вечером охранник. Он же сегодня и днем до самого вечера дежурит. Злой очень – не пустит... Нужно идти до дальнего крупного магазина – в мелких нет таких, обогреваемых воздухом тамбуров, – а это с километр будет. Сильный мороз да с ветром сегодня.

Эх, согреться бы получше. Костер бы вечером в укромном уголке развести, благо кипу газет он вовремя на свалке из рук почти подхватил, да рассовал их за пазуху, да по карманам. Да-а-а, хорошо бы напиться теплом, да до ночлега добраться – через плотину километра два-три будет. Там дворничиха знакомая добрая живет – из тех, кто один на миллион, – в подвал пустит. Переночевать: день и ночь – сутки прочь.

Само по себе расстояние-то небольшое, когда был здоров и не «бомжевал», мог пройти за двадцать минут. Даже с тюком вещей хаживал. А сейчас, дай Бог, минут за сорок добрести на больных ногах и с большой поясницей – да и то, если ветер в спину.

Да, натаскался он в свое время хорошо. И сказать – шесть лет «челночил». Но однажды в двухтысячном, когда в очередной раз ехали из Турции, решил не распаковывать большой тюк и не распакивать по сумкам вещи, чтобы не терять времени, а взвалил его на плечи и понес к терминалу. И то ли слишком тяжелым он оказался – утрамбовали больше обычного, то ли повернулся не так, а что-то вдруг оборвалось внутри у Василия, в глазах потемнело от сильной боли в животе.

Бросил он тюк наземь и опустился рядом с ним не в силах подняться. Пришлось жене просить помощи, чтобы довезти его до больницы, благо уже на своей территории были. А там, в больнице врачи определили – разрыв тонкой кишки. Видно Василий от побоев рекетирских так и не оправился, а где слабó, как известно, там и рвется.

Василию удалили часть кишечника, под страхом смерти запретили поднимать тяжелое и прописали строгую диету. С тех пор Антонина стала «челночить» одна, а он торговал на рынке. Вот как раз на том месте, где он сейчас и идет в дальний супермаркет. Только раньше рынок был вещевым, а теперь – продовольственный. Да и тот вскорости собираются снести и строить вместо него торговый центр или, как сейчас любят говорить, административно-хозяйственное здание.

Рядом с рынком – мусорный контейнер ближнего супермаркета, куда раз, а то и два раза в день выбрасывают негодные продукты. Возле «пасутся» нищие пенсионерки, у которых пенсии такие, что после оплаты коммуналки не хватает на питание, или наоборот. К контейнеру и «бомжи» подтягиваются «ловить куски с барского стола» – все же пенсионерки из милости дают им кое-что, и подбирать оставляют. Иногда, если повезет, выносят невесть откуда еще – тут уж у «бомжей» пир.

Вот и сейчас две старушки – одна высокая, плотная и широкоплечая в коричневом платке, из-под которого выбиваются седые пряди волос, в сером халате поверх тонкого пальто и в латаных-перелатанных сапогах; другая щупленькая, худенькая, невысокого роста в белом вязаном платке, как-то особенно повязанном на голове, в длинном темно-синем потертом пальто и в явно не по размеру больших ботинках, по лицу скорее татарка – копошились в контейнере, встав на цыпочки и двигая локтями над головой.

Василий, отроду метр девяносто, подошел и отодвинул озлобленно зашипевших на него старух, сгреб

содержимое контейнера, сколько мог, и вывалил на снег. Женщины, разобравшись, что он не враг и не соперник им, стали дружно рыться в куче. А Василий в порыве благодушия наклонил контейнер и, повернув его, опер на лежавший поблизости ящик. Теперь рыться в нем и доставать содержимое стало проще. Быстро разобрав кучку на снегу по сумкам, пенсионерки подошли к контейнеру, и они втроем – на добро нужно отвечать добром – стали вытаскивать из него и сильно побитые яблоки, и банки просроченной морской капусты, и обрезки заветренной то ли колбасы, то ли ветчины, и подгнившие бананы, и зачерствевший распакованный хлеб, и раздувшиеся пакеты кефира и ряженки. Женщины складывали все это в сумки, Василий же, которому все это нести было некуда, набил небольшой пакет – на ужин и на завтрак, а пообедал на месте. Так они втроем «оприходовали» весь суточный выброс из супермаркета. Повезло сегодня – раньше времени, наверное, вынос продуктов сделали, народ не успел собраться. Когда подошли припозднившиеся старушки и двое «бомжей», то ничего съедобного уже не осталось. Василию стало жалко их и он, не раздумывая долго – такой он был человек – раздал бедолагам весь небольшой запас и направился к супермаркету. Суетливо заторопились прочь и минималпенсионерки.

Василий шел по улице, на противоположной стороне которой стоял дом, где он раньше жил, когда еще был женат. Или – как правильное сказать? – где он раньше был женат, когда там жил? Вот и окна и балкон знакомые (хотел сказать «родные», но даже внутренне не смог – какие родные? – уже столько времени прошло, да и давно отвык соотноситься с такими атрибутами уютного бытия, как квартира.

Да... Разладилось у них тогда с Антониной. И понятно-то все по-человечески. Источника материального другого не было, а с него, инвалида, какой прок? Только и годен, что за прилавком сидеть, в лучшем случае стоять. А ей и туда ехать, и там бегать и искать, покупать да волочить, а потом все это – домой,

да на рынок и с рынка (тогда складов на рынках еще не было). И везде деньги платить, а их на все не напасешься, и так не густо. Ну вот, поехала она, натаскалась с год, да и нашла себе молодого помощника – мужика сорока трех лет из области, моложе себя на пять годков (Василий-то был старше ее на шесть лет). Она познакомила их, представила: «Вот – помощник! А заодно и сам-с-усам, «челноком» научится (а чего там учиться?), и нам будет помогать, и себе деньги зарабатывать. Короче говоря, вроде так они договорились – он ей помогает таскать, а она его обучает всему «челночному» ремеслу, «натаскивает». Стали они ездить вдвоем, а Василий на рынке сидел и товары обоих продавал.

Так они и жили. Помощник поначалу уезжал в свой район – городок находился в часе езды от автовокзала, не так далеко. А потом стал все чаще оставаться у них ночевать, надоело мотаться туда-сюда. И Василий понимал, не возражал. А через полгода Евгений – так звали его – и вовсе поселился у них на постоянное жительство...

«Что-то то ли мороз все крепчает, то ли ветер такой холодный – до костей пробирает», – думал Василий. Он поднял воротник куртки – одно название, пора было во многих местах ее, разорвавшуюся, зашивать, – запахнулся поплотнее, скрестил руки на груди – все теплее.

Навстречу шла пара – мужчина и женщина, оба лет сорока, в дубленках и меховых шапках, веселые. Идут, смеются. Увидели его, смех, видимо, застрял в горле, потупились. Прошли молча мимо... и Василий мимо – каждому свое...

– Теперь эта комната будет твоя, – сказала однажды Антонина, показывая в сторону бывшей дочерней, где жил Евгений. Василий было «рыпнулся», зашел в бывшую с их женой спальню, но там были уже не только вещи «соседа», но и он сам, глядевший своими ясными серыми глазами. А под короткими рукавами футболки перекатывались крупные ядреные мускулы.

– Ну что тебе, Василий? Живи, живи в той комнате. Тепло, сытно. Что еще нужно? Живи! – молвил.

Все понял он, молча перешел в отведенную ему комнату. Да и что мог инвалид поделывать – любовь зла! И зажили они втроем в двухкомнатной квартире, которую Василий получил от завода.

Так прошло еще полгода. И как-то Антонина говорит:

– Вася. Ну что тебе на рынке мужику на шестом десятке да инвалиду сидеть? Отдыхай дома!

– А торговать, кто будет?

– Да мы сами и будем.

Вот тут-то и засосало у него под ложечкой. Как прошибла догадка – худо будет! Он знал, ежели баба чего захочет, все сделает. Но догадка догадкой, а жить-то нужно. Торговлю у него отобрали, а вместе с ней и долю от дохода за работу. Денег не стало, до трудовой пенсии еще далеко, а пенсия по инвалидности – «курам на смех». Устроился Василий вахтером на четыре с половиной тысячи – в охранники его не взяли по состоянию здоровья и по возрасту. В сумме вместе с пенсией хватало на коммуналку – половину от общей платы за квартиру и услуги платил он – и на питание, более ни на что не оставалось.

Все бы ничего. Жил бы хворый в тепле да в относительной сытости. Да не тут-то было...

«Что же за холод сегодня?» – Василия бил озноб, зуб на зуб не попадал. Хорошо, что супермаркет уже рядом. Он вошел через автоматически открывающиеся двери и забился в угол, поближе к решетке воздуходува, из которого потоком лился спасительный теплый воздух. «Слава Богу!» – подумал Василий, встал лицом к решетке, стремясь вжаться в стену, слиться с ней, стать как можно менее заметным.

Тепло, хорошо, стала постепенно уходить хроническая зябкость – рай! «Как бы подольше меня не трогали, чтобы прогреться, как следует. До похода через плотину к дворничихе еще остается часа два. Раньше ее дома не будет еще». Задремал Василий, научился дремать как лошадь, стоя. Сквозь дрему слышал, как открывались и

закрывались створки автоматических дверей, как рядом, со стороны переулка открывалась и закрывалась дверь простая, слышал шаги, говор, смех людей, шелест шин и мягкий рокот моторов проезжающих машин. Сменяя один другой, наплывали дремотные образы и растворялись, почти не осознаваемые, оставляя после себя лишь тяжесть на душе. Временами дремота отходила, вот и сейчас в ответ на громкие возгласы мужчин, входящих в магазин, Василий открыл глаза и покосился в их сторону.

«Вообще-то неправильно назвали таких, как я, «бомжами». Правильнее было бы назвать «бомжбуд» – человек без определенного места жительства и будущего», – почему-то подумалось ему.

А тогдашняя интуитивная догадка Василия оказалась верной. Антонина со своим «хахалем» стали методично изживать его из его же квартиры, пакостили по мелочам, кухню – а она была большой, благоустроенной и уютной, сам создавал своими руками, – занимали для оргий с приятелями: пили, танцевали под громкую музыку, пели, хохотали допоздна, а порой и до утра. Он же в это время у себя в комнате голодный, долго не мог заснуть. Так и уходил порой на дежурство, не выспавшись и не поев. Характер у Василия был такой – мирный, терпеливый и смиренным он был мужиком.

Когда Антонина с Евгением поняли, что их разговоры-уговоры типа: «Уходи, мол, найди себе старушку – и она будет рада, и тебе хорошо!» или «Хочешь, мы тебе в деревне избушку купим?» – на него не действуют, стали пакостить по-крупному...

«Эх-эх-хэх!..» – вздохнул он и задремал вновь.

И снится Василию, что живет он в большом светлом красивом и теплом доме, где всего вдоволь – в каждой комнате по жаркому камину, а вдоль стен – все шкафы, шкафы... А в них одежда и обувь на любую тебе погоду: и непромокаемая от дождя, и меховая от мороза, и светлая легкая в жару. А рядом с кухней – ах, какие запахи аппетитные! – кладовая с холодильниками

большими – от пола до потолка, – полностью забитыми едой...

Вдруг хлопает дверь... «Вроде закрывал?!» – думает он. Оборачивается, а перед ним какие-то незнакомые мужики в черном и со свирепыми лицами. Не успел он и рта раскрыть, как получил удар кулаком между глаз.

– Пшел вон отсюда, падаль!

– Как вы смеете? Это – мой дом! Кто вы такие?!

– Счас мы тебе покажем, кто мы такие, «бомж» вонючий!

Смотрит Василий, а это двое охранников в черном перед ним. Один из них тычет в него шваброй и орет:

– Пшел вон. Тебе говорят!

Делать нечего, придется уходить из теплого места. Только глянул мельком на часы в торговом зале – а на них уже без пяти минут восемь. «И то, слава Богу, почти два часа погрелся», – подумал он и побрел к выходу. Теперь нужно запахнуться получше, и на всех парах к дому дворничихи. Еду искать он теперь не будет, иначе все тепло растеряет.

Улица была ярко освещена фонарями, витринами магазинов и рекламой. Но если смотреть в сторону от уличных огней, то видно было висевшее над городом темное усеянное звездами небо.

Согревшийся Василий энергично шагал по тротуару, скрестив руки на груди, немного нагнувшись вперед и ставя ступни носками немного вовнутрь, как конькобежец, чтобы, не дай Бог, не упасть. Он знал, что последствия такого падения в его возрасте и при ослабленном от постоянного голодного существования здоровье, а теперь, зимой, и при переохлаждении, могут быть трагическими. Перелом шейки бедра в его положении будет равносильен смерти.

Василия не впервые гнали вот таким образом. Он уже привык. Гнали его и тогда из квартиры Антонина со своим сожителем. После разговоров-уговоров, поскольку он не соглашался на старушку и деревеньку, они перешли к угрозам. «Сколько прожили, а подумать

даже не мог, что у Тоньки такой характер может быть», – удивлялся он и теперь, но зла не держал.

Но удивлялся и не только он. Как-то разговорился он в разгар всех этих «квартирных дел» с одним верующим сменщиком у себя на вахте. Тот, узнав о жизни Василия, убеждал его: «Нельзя ничего не делать, сложив руки, ожидая от других решения своей участи. Действуй, защищайся, отстаивай свои права, соблюдая при этом смиренное терпение, сохраняя мир в душе...» Но Василий был такой человек, что избегал всяких конфликтов, ссор, противостояний, зла, и в этом только и видел смирение, и ради мира в душе готов был уйти от всего этого прочь. «Вот такой я человек!» – говаривал он при этом.

Однажды Антонина с Евгением, когда Василий, решив разменять квартиру, нашел более-менее подходящий вариант, наняли бандитов – не бандитов, но «серьезных ребят», чтобы они выпроводили Василия из дому. Они и «выпроводили»... Избитый до неузнаваемости, Василий неделю пролежал дома, не в силах даже встать. Работу вахтера он не потерял, хотя и работал без трудового договора, без отметки в трудовой книжке, то есть без оформления. Дополз кое-как до телефона, позвонил. Руководство, которое было в курсе его домашних дел, пошло навстречу, и коллеги-вахтеры согласились поработать пару недель вместо «сутки-трое» по графику «сутки-двое» – то есть в более напряженном режиме.

Но у его «соседей» на руках были билеты, через неделю они должны были лететь в Турцию, и они торопились до отъезда убрать Василия из квартиры. Когда однажды вечером вновь пришли те самые «серьезные ребята», он, собравшись с силами, встал, сложил в чемодан самое необходимое и, еле двигая ногами, молча ушел. Вот такой он был человек.

Как и сейчас Василий шагал тогда в зимний вечер. Но какая разница была между тем Василием и этим – небо и земля. Тогда он шел, преисполненный надежд, что вот сейчас он придет к сестре, к родному человеку, к той сестренке, которую он в ее младенчестве носил на руках,

нянчил, играл с ней в раннем детстве, занимался в школьные годы, и с которой дружил по жизни, хотя в последние годы они встречались все реже и реже; придет, и Валентина все сделает для него, попавшего в беду. Он не думал о том, что между той девочкой Валенькой и теперешней Валентиной были долгие годы одиночества с двумя детьми, – муж ее после ЛТП бесследно исчез. Детей нужно было поднимать, давать образование, а Антонина, когда они уже всю «челночили», была против помощи своей золовке, считая, что каждый должен сам обеспечивать свою жизнь, и Василий помогал сестре тайно, но, наверное, в недостаточных размерах. Валентина же патологически ненавидела все эти «бизнесы», и, будучи работницей поселковой библиотеки, довольствовалась своей зарплатой, садом, огородом, домашней скотиной и тем, что можно было подработать в соседнем совхозе...

Вот и плотина видна. Тепло уже почти все улетучилось и в теле начала появляться дрожь. Но тут Василий в ложбине, недалеко от плотины увидел костерок. Не раздумывая, он направился к нему.

Двое мужиков, таких же бородатых, как и сам Василий, грелись у него и что-то ели.

– На жратву руки не протягивай! Самим не хватает... – сразу же один из них в лоб предупредил Василия. – А греться можешь, пока горит, – добавил он.

Немного погревшись – долго было нельзя, так как дворничиха, придя домой и поужинав, почти сразу же ложилась спать – вставать приходилось в пять утра, – и потом, стучи–не стучи, на улицу уже не выходила, – Василий продолжил свой путь...

Тогда, когда, преодолевая боль в вывернутом плече и искалеченной пояснице, он добрался до сестры, был уже поздний вечер. Валентина удивилась, но приняла его, приготовила ванну, накормила и уложила спать, сказав, что обо всем поговорим утром, благо она завтра выходная.

Утром за завтраком, который Василий не мог назвать скромным, так как давно уже питался воздержанно,

сестра расспросила его. Рассказывая, он отметил, что глаза ее во время всего разговора были сухи и спокойны.

– Тебе нужно познакомиться с женщиной. Хочешь, я помогу? У меня жить тебе не с руки, хоть дети и разъехались. Я все же еще не отказалась от мысли создать семью, – сказала она.

Валентина и правда познакомила его с одной, другой, третьей женщиной. Но как-то так выходило, что ни одна из них не польстилась на Василия. Одна, как только услышала, что он ничего, кроме как токарить и «челночить», не умеет, а заниматься этим в силу своей инвалидности не может, тут же и заскучала и, посидев, ушла. Другая сказала, что был бы он на пенсии, и получал бы тыщ восемь да плюс инвалидскую, тогда еще куда ни шло, сидел бы дома и по хозяйству потихоньку помогал, хоть на огороде – и то добро. Но до пенсии Василию было без малого восемь лет, а инвалидская пенсия – копейки. Вахтер? Ну, где в ее деревне вахтером работать, а до города далеко. Можно было раньше в совхозе устроиться на канцелярскую какую работу или сторожем, так сейчас совхоза и в помине нет. В поселке? Так тут вахтерской работы кот наплакал, да и платят две тыщи. Люди, несмотря на это, держатся ради приработка «руками и ногами». Третья, как узнала, что инвалид, что поясница сильно травмирована и половины кишечника нет, покачала сочувственно головой: «На что мне такой? Ни мешка с картошкой поднять, ни огород вскопать, ни дров нарубить, ни воды натаскать!» – и тоже ушла восвояси.

На этом закончились знакомые у Валентины. Пожил еще недельку Василий у сестры, все ждал непонятно чего – как все добрые люди непременно доброго разрешения всех своих проблем. Но так и не дождался. К концу недели появилась на лице Василия растерянная улыбка. Да так он с той улыбкой и ушел, понял – одна у него теперь дорога. Вернулся он в город, и с тех пор «бомжует» вот уже лет семь-восемь, точно уже сказать не может – со счета сбился. И то хорошо, многие «бомжи» и пяти лет не протягивают.

...Василий дошел уже до конца плотины, оставалось пройти еще три квартала. Мороз с ветром доставал уже до нутра. Дрожь вновь стала бить его да все сильнее и сильнее. Ноги плохо слушались, так как ныла больная поясница. Он пожалел, что не дождался двадцати двух часов, когда при закрытии супермаркета повторно выносят «продукты». Если бы поел, легче было бы сейчас, да с собой бы прихватил. «Да какой супермаркет? – спохватился он. – Ведь боялся, что дворничиха ляжет спать, а просыпаться, вставать, одеваться, идти на улицу, открывать подвал она уже ни за что не станет... Один раз он сделал так, разбудил – обиделась, разозлилась, не пустила в подвал. Хорошо пожалела и в подъезд пустила, но предупредила – в последний раз. Так и заночевал он тогда в описанной некультурной псиной кабине лифта – там меньше дуло... А так ничего, добрая она, пускает, если вовремя придти. А там, по нынешней поре студеной, просто рай!..

Вот уж и полтора квартала осталось. Собираться с силами Василий умел. И воля у него была. «Почему ж «бомжом» стал?» – спросила однажды одна доброволка в службе помощи. Василий пытался ей что-то объяснить, но та так и не поняла ничего. А просто он, когда дело касалось себя, был беспомощен как малое дитя. Ради другого мог даже подраться, как это случилось вчера, когда один злой «бомж», не дай Василий, мог даже задушить другого «бомжа» за большой кусок мяса на кости, найденной в мусорном контейнере на дворовой помойке. Василий бросился на злого и ударом своего мощного кулака враз сшиб его на землю и вывернул руку за спину. Он хотел разделить поровну это мясо между тремя, но третий в это время, прихватив кость с мясом, быстро ушел, и был таков, даже не поблагодарив своего защитника.

Но вот и дом, где жила дворничиха, вот ее подъезд... Но что это? – Света в окнах нет! «Опоздал! Видимо она уже легла... Но не может быть!» – по его подсчетам еще должно быть только около девяти часов вечера. Он еще раз проверил номер дома, подъезд... Нет, все верно, и

вот ее окна с характерным узором решетки. Он цеплялся обычно рукой за ее край, становился на немного выступающий цоколь и стучал по стеклу. Она выглядывала, выходила и открывала подвал, где горячие трубы, где из одной из них капает вода, и можно, взяв на время консервную банку у кошки и набрав воды, попить и умыться. Но все это пустяки, главное согреться и переночевать. В полшестого утра дворничиха, выходя на работу, выпроваживала его, сунув в руку небольшой сверток с горячей картошкой, хлебом и, если повезет, кусочком сала или яйцом...

...Василий где-то с середины пути периодически растирал то бедра ног, то руки, то щеки, и дышал в рукавицу, полуснятую с руки, сжимая оковеневшие пальцы в кулак. А теперь он и вовсе как будто танцевал, непрерывно растираясь, так как мороз все крепчал. «И откуда такой морозище? Позавчера еще было, как и весь месяц, минус четыре-пять, вчера – не более пятнадцати (он смотрел на электронном табло, что светилося на здании одновременно банка, шикарного модного магазина одежды и обуви, ресторана и ночного клуба), а сегодня, сейчас все тридцать да еще с сильным ветром!» – думал Василий, растираясь, а со стороны можно было подумать – оборванный человек танцует какой-то сумасшедший танец.

«Что делать? Нет, так околоть можно. Пусть разозлится, но в подъезд хоть пустит. Умолю, если что...» – и взявшись рукой за решетку, не переставая сильно дрожать, подтянулся, встал на цоколь и только хотел постучать, глядь, а окна-то пластиковые! Слез Василий, еще раз удостоверился – все верно, ее окна. «Вот ведь, месяц не был, наверное, встала. А с другой стороны, откуда у дворничихи такие деньги? Неужто Никитична вдруг разбогатела?» Еще раз ухватился, подтянулся, стукнул в окно, другой раз. Загорелся свет и он увидел мужчину. Свет погас, но видно было, что тот смотрит сквозь стекло. Затем открылась форточка и высунулась голова.

– Чего тебе?

– Отк-к-крой под-д-д-вал, пож-жа-луй-ста!– из последних сил проговорил замерзающий Василий.

– Подвал? Какой подвал?.. Иди отсюда, а то полицию вызову! Иди, иди!

– А Ник-к-к-кити-ч-чна, где?!

– Нету тут никакой Никитичны, продала квартиру нам и переехала!

– П-п-пус-с-сти в п-п-под-д-дъез-зд!..

– Какой подъезд? Тебе что тут, «бомжатник»? Иди, иди отсюда!..

Форточка закрылась, снова загорелся свет, видно было, как мужчина – новый хозяин квартиры открыл холодильник, налил стакан пива, выпил, затем снова подошел к окну, задернул штору и свет погас.

«Что делать?» Василий знал – в этом районе в радиусе примерно трех километров мест, где ночуют бомжи, нет. А все подъезды – на кодовых замках, и частных домов нет. Дежурить у одного подъезда? Но так можно и не дожидаться, пока откроется...» И тут он вспомнил о телефоне службы помощи. Где эта бумажка?.. Да вот она!» – он достал через дырку из-под подкладки куртки клочок замусоленной бумаги, на котором когда-то, находясь в службе, записал номер. Он, по-прежнему танцуя, развернул ее. «Да, это их телефон! Но как позвонить? Мобильника-то нет...»

Вышел Василий на улицу. На ней, многолюдной днем, в десятом часу вечера никого не было. Он знал – в это время все сидят по домам у телевизоров и компьютеров... Но вот кто-то идет! Он пьяной походкой замерзающего на полубесчувственных ногах кинулся к человеку в тулупе, шапке ушанке, с лицом наполовину закрытым шарфом, который с собакой на поводке шел ему навстречу. Но тот шарахнулся, еле сдерживая бешено залаявшую таксу в меховом кафтанчике и таких же сапожках.

– Чего тебе?

– Те-т-те-л-леф-ф...

– Пьяный что ли? Пить есть на что, а одеться не на что?

– Не-не, мне те-те-л...

– Фу, Крыся, фу!– прикрикнул тот, наконец, на собаку, накручивая поводок на руку.– Как же от тебя несет?!– это уже Василию.– Смотри, «бомж», а пьяный. Вот дела! Ну, на вот тебе, больше нету,– сжалился он и бросил монету в пять рублей на снег.

–Те-тел-е-е-фон?!– наконец, собравшись с силами выкрикнул Василий.

– Что, телефон тебе дать? Ишь чего захотел! Ха-ха-ха! Пошли, Крыся!– мужчина дернул за поводок и, потащив не перестававшую лаять таксу, ушел.

«Да что же это?» – Василий уже не чувствовал кончик носа, щеки, бедра... Он замерзал все больше и больше – движения и растирания не помогали. Улица снова опустела...

Но вот на противоположной стороне появилась женщина. Она неторопливо шла с большими полными пакетами с остановки автобуса. Василий с надеждой на совершенно бесчувственных ногах, широко расставляя их, чтобы не упасть, бросился к ней через пустую мостовую. Женщина, увидев неуклюже переваливающегося с ноги на ногу, еле держащегося в вертикальном положении, с горящими глазами человека, бегущего к ней, что есть силы бросилась бежать по тропинке к дому и, перехватив пакет другой рукой, на ходу достала из кармана магнитный ключ. Добежав до подъезда, она плохо слушающейся от волнения рукой приложила ключ к кодовому замку и отворила дверь.

– По-по-до-дожд-жди! Пу-пус-с-сти!

Но женщина, со страха, видимо, не разобравшись, кто он и что, быстро влетела в подъезд, и дверь за ней закрылась. Василий в отчаянье отвернулся. Ноги уже совсем не подчинялись ему, навалилась усталость, тянуло ко сну, хотелось сесть, а еще лучше лечь, и спать, спать, спать...

Да вот и лавочка под раскидистой вишней. Лучи уличного фонаря серебрятся на только что умытых теплым летним дождем листьях и ягодах. Пахнет травой, а ближе к лавочке – цветами, с ухоженной заботливыми

руками матери и соседки, любивших вечерами посидеть у подъезда, клумбы. «Почему их сегодня нет? Наверное, интересный фильм по телевизору припозднился, вот они и смотрят его. Если бы они знали, как хорошо сейчас на улице! Посидеть, отдохнуть что ли?» – Василий сел. Благодать-то какая кругом: птицы щебечут, легкий теплый ветер шевелит волосы. Ах, как приятен покой, как легко и славно. А теперь после трудового дня – поспать, поспать, поспать...

И видит Василий сон – он, молодой, полный сил в спецовке в своем цеху. Станок, довольный умением мастера, поет свою песню, работа ладно спорится. Подходит старший мастер, а с ним – начальник цеха, называют по имени-отчеству, советуются, как лучше выполнить новый заказ. Недаром он, Василий, уже лет пять, как на доске почета всего завода!.. Но вот и конец рабочего дня. Нужно зайти в профком – обещали к отпуску путевку в санаторий в Анапу на двоих с женой. Как представил Василий теплый солнечный берег, разогретый песок, шум и брызги прибоя, и у самой кромки воды свою любимую Антонину, приятно стало на душе. «Так ведь заслужили, поди, отпуск и покой!» – подумал он, и в предвкушении этого отдыха и покоя продолжительно и сладко вздохнул...

...Утром спешащие на работу люди видели сидящего на лавочке в тридцатиградусный мороз человека. Глаза его были закрыты, а одежда, борода и лицо – все было покрыто искрящимся в свете уличных фонарей снегом. Прошло, видимо, около сотни озабоченных своими делами людей, прежде чем один мальчик, потянув за собой маму, подошел и дотронулся до руки сидящего.

– Мама, дядя замерз! Потрогай, вот, посмотри, какая рука у него холодная!

Женщина толкнула сидящего, но тот не открыл глаз. Она сняла рукавицу, дотронулась до его лица и тут же в ужасе отдернула руку.

–Дядя совсем замерз...– сказала она, вытаскивая сотовый, и, поколебавшись секунду, набрала 03.

Приехавшие медики забрали замерзшее тело и отвезли его в городской морг.

ПРЫЖОК

1

Если бы человек знал, что произойдет в следующую минуту, многих бед можно было бы избежать. Это ясное летнее утро предвещало только хорошее. Светило яркое, еще не жаркое солнце. Деревья отдавали накопившуюся за ночь негу, умытая ночным дождем мостовая вместе с еще чистым воздухом бодрила прохладой, столь приятной в преддверии летнего дня.

На остановке люди в нетерпении ожидали транспорт. Одно транспортное предприятие, прекратив свою деятельность, сняло с маршрутов одновременно около пятидесяти автобусов, и теперь вместо обычных пяти минут приходилось ждать все двадцать. Зато количество маршруток и коммерческих «пазиков», казалось, увеличилось вдвое. Однако не всем по карману было это удовольствие, если учесть, что за день транспортом необходимо было пользоваться не один раз. Поэтому многие старались, имея проездной, ездить на муниципальном транспорте.

Людей на остановке было много. Стайка студентов ворковала и хихикала, обсуждая происшествия вчерашнего дня и в предвкушении сегодняшних. Мужчины и женщины всех возрастов, вплоть до пенсионного, – спрашивается, куда торопиться пенсионерам в часы пик? – то и дело выходили на мостовую, не видя за спинами стоящих людей, идет ли их транспорт.

Дмитрий Степанов, высокий мужчина лет сорока пяти в светлом летнем костюме стоял у края площадки и также, вытянув шею, следил за появляющимися из-за поворота улицы машинами. Часы на нетерпеливо

вскидываемой правой руке показывали, что времени остается все меньше и меньше.

Рядом с ним стояла молодая женщина с девочкой лет пяти-шести, которая все время взглядывала на мать и задавала один и тот же вопрос: «Мам, ну, скоро придет автобус?».

По улице неслись машины, многие из которых старались обогнать друг друга, словно впереди, через два-три светофора их не ждала ежедневная большая, протянувшаяся почти до центра города пробка, в которой им предстояло провести минут тридцать-сорок. Видимо поэтому на достаточно свободном участке дороги они и «отрывались», а может, надеялись эту пробку проскочить.

Вдруг девочка, руку которой мать, роясь в сумочке, чтобы достать зазвонивший мобильник, отпустила, выскочила на мостовую. Степанов метрах в сорока от нее увидел несущуюся машину, а за ней слева идущую на обгон – борт к борту – другую. Девочка, только что соскочившая с бордюра, еще продолжала двигаться по мостовой и, увидев летевшую прямо на нее машину, с оторопью удивления смотрела на нее.

Все произошло так мгновенно, а машина была так близка, что и водитель, начинавший резко тормозить, и девочка, начавшая движение в обратную сторону, уже не успевали. Еще пара секунд и машина неминуемо сбила бы девочку. Визг тормозов, вопли и причитания людей перекрыли безумный крик матери: «На – та – ша!!!»

Мозг Степанова, офицера ВДВ в отставке, в долю секунды просчитал ситуацию – машина, идущая на обгон проскакивает, а следующая за ней по той же полосе метрах в тридцати уже начинает тормозить. Дмитрий мгновенно выпустил из рук сумку и прыгнул. Схватив в полете девочку в охапку у самого капота не успевающей затормозить машины и сгруппировавшись, он в падении приземлился на свободной полосе, выпустив уже там девочку из рук, чтобы не подмять ее под себя. Машина, ехавшая по той полосе, остановилась метрах в двух от их приземления.

На какое-то мгновение наступила тишина, нарушаемая лишь катящимися по третьей свободной полосе машинами. Степанов, поднимаясь с мостовой, как в замедленной съемке, видел бегущую к ним мать Наташи и идущих за ней людей.

В это время из чуть не сбившей девочку машины и из ехавшей рядом вышли водители и почем зря, не выбирая выражений, начали ругаться. Но стоявшие рядом очевидцы в свою очередь заорали, пользуясь случаем, чтобы выместить хоть на них всю накопившуюся неприязнь к «лихачам-частникам», заполонившим улицы города, виновникам постоянных и утром и вечером пробок, выматывающих «последние нервы» у пассажиров общественного транспорта. Водители, не ожидавшие такого натиска, враз замолчали и, скрывшись в машинах, укатили восвояси.

Дмитрий передал не успевшую толком испугаться и только теперь захлопавшую глазами и заплакавшую навзрыд девочку. Мать прижала дочку к груди, непрерывно и судорожно целуя ее в волосы и в шею, одновременно с восхищением и благодарностью глядя на Степанова, говорила сбивчивые и несвязные слова признательности.

– Ну что вы?.. Жалко ведь... смотреть нужно!..– все же упрекнул он и направился к своей сумке.

– Молодец, милоч!

– Вот настоящий мужик!

– А мать-то куда смотрит? Совсем потеряли голову молодые!

– Да, да, им бы только покраситься и мужикам глазки построить!

– Ну что вы на мать набросились? А девчонка должна какой-никакой страх иметь, аль нет?

– Повезло девчонке, что такой мужик рядом оказался! В рубашке, то бишь, в платье родилась...– слышалось вокруг.

Мать с девочкой шли за Степановым.

– Как вас зовут? Оставьте свой телефон!– рвалось из груди женщины, из сердца, уже отошедшего от

охватившего минутой ранее страха. А Наташа, не отрываясь, смотрела на него.

Дмитрий молча подошел к сумке и, когда поднимал ее, увидел, что костюм его весь запачкан, и ни о какой поездке по приглашению друга в Москву и речи быть не может. Костюму нужна чистка, и если даже он заедет домой и быстро переоденется, то успеет лишь на двухчасовую электричку, а это значит – день потерян. Поэтому лучше позвонить другу и перенести визит на другой день, благо он, Дмитрий, в отпуске.

– Дмитрий,– ответил он женщине и, строго взглянув на нее, еще раз сказал.– Мало родить, нужно еще и воспитывать. И безопасности жизни учить.

– Да, да...– виновато произнесла она.

Степанов подумал, что это, наверное, мать одиночка, каких хватает в наше время, и ему стало неловко за свою, может быть, излишнюю строгость. Он улыбнулся и сказал несколько ни к чему не обязывающих добрых слов.

– Мужик, садись, подвезу,– услышал он со стоянки такси.– Да не думай, ничего с тебя не возьму! Куда тебе?

– Да я грязный ведь...

– Садись, кому говорят!! Это – не грязь. Настоящая грязь – не эта.

2

Окно комнаты Степанова – а жил он с матерью в своем домике на окраине города – выходило прямо в сад. Летний день уже был в разгаре, и Дмитрий распахнул настежь створки окна. Ветки вишни, росшей около дома, и до того прикорнувшей на стекле, сейчас приветливо заглянули в комнату. На них уже вполне ярко краснели – еще неделю тому назад розовые – ягоды.

Степанов переоделся, решив химчисткой заняться в другой день, а сегодня передохнуть в накопившихся домашних делах, памятуя, что лучший отдых – это смена деятельности. Первым делом он убрался в комнате: вытер везде пыль, аккуратно вымыл полы, поставил на

полку прочитанную ранее книгу, все вещи разложил по своим местам. Дмитрий еще десять лет тому назад потерял жену и десятилетнюю дочку в автомобильной катастрофе. Лихач тот, конечно, получил свое, но близких не вернешь... Эмоций уже не было – слишком много времени прошло, но образы жены и дочери часто возникали перед ним, словно приходили в гости дорогие, любимые люди, чтобы узнать, как он тут живет-поживает и не нужно ли чем помочь?

Степанов в той аварии, хоть и сидел за рулем, весь залатанный-перелатанный остался жив, но из армии, из ВДВ пришлось уйти в отставку – комиссовали. Машина восстановлению не подлежала, новую он покупать не захотел – психологические последствия сильной аварии, да и не на что уже было...

Так и жил он один на скромную зарплату охранника да на инвалидскую пенсию, заботился о матери, помогал ей с ее небольшой пенсией. Куда еще было жениться? К тому же, вторую такую, как Надя, не найти, сколь ни искать...

Дмитрий смахнул пыль с фотографий жены и Настеньки и аккуратно поставил на место. Постояв немного и мысленно пообщавшись с ними, он вышел во двор, чтобы поправить изгородь со стороны соседского сада-огорода – соседская старушка сама не справится.

3

В Москву Степанов поехал на следующий день. Надел костюм, за неимением другого, выходной, но для холодного времени года, для походов в театр, на концерты, куда он себе позволял хотя бы один раз в месяц сходить.

Костюм этот купил по случаю, вернее по большому везению. Выглядел он дорого да и на самом деле был дорогим и модным, но достался Дмитрию задешево – раза в два с половиной дешевле настоящей стоимости, так как одна штанина при проверке – а он любую вещь всегда тщательно проверял, – оказалась короче другой на

два сантиметра, и строчка на одном борту пиджака была несимметрична такой же строчке на другом. И костюм поэтому основательно уценили. Брючину Степанов укоротил по длине другой, а асимметрия строчек его мало волновала. Так что приобрел он хороший костюм по дешевке...

На этот раз, выйдя из дома с запасом времени, он успел на хорошую электричку, которая добиралась до столицы не за четыре часа, а за три. Пройдя вдоль состава и убедившись, что все вагоны полны, он зашел в предпоследний – вернее второй по ходу поезда – и занял место с краю деревянной скамейки в конце вагона. В «купе» рядом с ним сидел пожилой мужчина в кепке и девушка у окна. А на противоположной скамейке у окна – женщина сорока лет с гладкими русыми волосами, зачесанными назад и в скромном платье серого цвета; и две старушки неопределенного возраста, живо болтающие о чем-то своем.

Когда Дмитрий сел, в «купе» на некоторое время наступило молчание. Пожилой мужчина, повернув голову, сверху донизу оглядел его и, видимо, остался недоволен осмотром. А старушки возобновили свой разговор, поглядывая то и дело на Степанова и его костюм. Девушка у окна, не отрываясь, смотрела на мелькавшие за стеклом виды и слушала через наушники музыку, которая едва-едва долетала до слуха Дмитрия. Женщина в скромном платье, сидевшая напротив девушки, периодически взглядывала на него, и на лице ее явственно читался вопрос: «А сюда ли ты попал, и что ты тут делаешь?»

Пожилой нагнулся к сумке, которая стояла на полу между ног, и достал бутылку пива. Затем снова нагнулся и, роясь в сумке, видимо, в поисках открывалки, краем бутылки сильно уперся в ногу Степанова. Тот промолчал и чуть отодвинулся. Старик действительно вытащил из сумки открывалку, откупорил бутылку и, отставив локоть далеко в сторону Дмитрия – почти к его лицу, – стал смачно глотать пиво. Женщина у окна усмехнулась. Дмитрий отвернулся в противоположную сторону.

– И так местов не хватает... Ездют тут в наших электричках!..

– Не говори, Лексевна, есть видь икспресс, нет, подавай им подешевше...

– Ишь, разodelся! Костюм, небось, тыщ пятнадцать стоит, а на билете экономит, Николавна, заместо пятаков, за сто рублей катается.

– А другие, вон, стоять!– Николавна указала на тамбур, где стояла группа куривших мужчин.

Степанов промолчал и, посидев еще пару минут в наступившем гробовом молчании, вынул из кармана книгу, встал, положил ее на лавку и, сопровождаемый все той же усмешкой женщины и недоброжелательными острыми взглядами старика и старух, вышел в тамбур и закурил.

За окном проплывали поля среднерусской полосы, почти повсеместно заросшие сорняками, а во многих местах и кустарниками, нескошенными многоцветными лугами, почти нежилыми деревнями. И только на станциях и в городках, мимо которых они проезжали, кипела жизнь – бойко шла торговля на перронах и рынках, пестрела красками и зазывными слоганами реклама, куда-то шли и шли, как раньше говорили, в «рабочее время» люди всех возрастов, а улицы и дороги были полны машин.

В тамбур вышла та самая женщина с усмешкой из их «купе», закурила рядом. На другой стороне тамбура курили слегка подвыпившие мужики и посмеивались над хохмами, которые один из них зачитывал из цветастой газетки.

– Что вы так усмежаетесь все?– не выдержал Степанов.

– А вы, куда так вырядились?

– Просто на данный момент, как оказалось, нечего было надеть. Да он дешевый, это так, с виду...– начал было оправдываться Дмитрий, которому эта женщина все же была чем-то симпатична.

– Да ладно!.. Кто вы и откуда?

– К другу в Москву еду на пару-тройку дней. Служили вместе... А вы?– уклончиво ответил он, с иронией отзеркаливая собеседницу.

– Я работаю училкой в школе...

– Почему училкой?– Учительницей!

– Ну да, ею...

– Детей учите?

– Да, а что?

– Да так, ничего...– и вдруг выпалил,– Детей учить не только арифметике и грамматике нужно, но и многому другому полезному в жизни, и воспитывать!..

– А почему вы думаете, что я...– начала учительница, но Степанов, вдруг, сам не ожидая от себя, перебил:

– Да знаю, вранье все!.. Какой вам смысл напрягаться за нищенскую зарплату?

– Вы меня лично имеете в виду?

– Вас, учителей и вообще школы!

– Как вы можете так огульно?!– зло сверкнула она глазами, затянувшись, выдохнула струю дыма в стекло и, бросив окурочек в бачок, уже не глядя на Степанова, катая желваки, молча вошла в вагон.

«Ну вот, сорвался на женщине!– с досадой подумал Степанов.– Зло заразно, неприязнь рождает неприязнь».

Поезд мелко отстукивал по рельсам где-то уже на полпути к Москве. Здесь все меньше было видно лесов, а все больше – поселков, городков, а также городов – ехали-то по Московской области уже.

«Люди, я – хороший! Я вчера девочку от смерти спас!»– хотелось на весь мир крикнуть Дмитрию.

Электричка остановилась на станции. Степанов посторонился, пропуская выходящих и входящих. Рядом с перроном на привокзальной площади был небольшой рынок. Старушка, которой на вид было лет семьдесят, сидела с краю, почти у самой мостовой, и перед ней были разложены товары: овощи, фрукты, «разносолы» и семечки – все, видимо с сада-огорода. Мимо нее прошел старик, подошел к урне, начал копать в ней. Видимо, ничего не найдя, он направился к другой урне. Двери автоматически закрылись, электричка тронулась, постепенно набирая скорость, и вот уже станция со стариком и старушкой скрылась из вида.

Дмитрий закурил еще одну сигарету. «Кто эти старик и старушка? Кем они были раньше? Может, она была учительницей в школе, как эта женщина, и очень хорошей учительницей, которая совестливо делала свою ежедневную работу? Может быть, этот старик всю свою жизнь честно проработал на производстве... А сейчас они, из-за маленьких пенсий вынуждены добывать себе пропитание, кто как может... Я не знаю, не могу видеть – у людей нет соответствующего органа, который давал бы знание не только о прошлом человека, но и о его сути. Мы в основном можем видеть и слышать только то, что дают нам наши физические глаза и уши. Но они могут ошибаться. Да и чаще всего ошибаются, давая нам лишь поверхностную информацию, которая накладывается к тому же на наши внутренние установки, мнения окружающих и навязанное извне...»

Дмитрий докурив сигарету и вернулся на свое сиденье. Его место, «застолбленное» книгой, оставалось незанятым. И попутчики все были на месте. Степанов вспомнил, как однажды на улице проходящий мимо слепой стукнул его, тогда еще мальчишку, палкой по голой ноге. Было больно, но мать сказала: «Прости его сынок, ведь он же слепой!»

Степанов представил на миг, что они все – и он, и его соседи по «купе», и все люди вообще – слепые дети, выбежавшие на мостовую этого мира, и на них с невероятной скоростью катится лавина непонимания, неприязни, непросщения и зла. И Дмитрий инстинктивно напрягся для прыжка...

«ЕСЛИ Б МОЛОДОСТЬ ЗНАЛА, А СТАРОСТЬ МОГЛА!...»

1

Опенкина Елизавета, высокая, стройная, светловолосая девушка двадцати двух лет, три месяца тому назад окончила местный университет. Многие ее сокурсники,

став специалистами в области экономики и менеджмента, были озабочены поиском работы. Но Елизавете это не беспокоило. Еще загодя она поговорила со своим дядей, который был директором и одним из учредителей известного в городе банка, носившего краткое название КТБ. И дядя подыскал достойную своей любимой племянницы должность руководителя проектной организации, занимающейся, в том числе, и разработками по заказам городской администрации. Предыдущий руководитель год тому назад достиг пенсионного возраста, но с удовольствием проработал еще, чтобы сохранить место для племянницы столь важного и нужного человека. За что получил небольшую спокойную должность, дающую ему хорошую добавку к неплохой и без того пенсии.

Так Лиза стала Елизаветой Сергеевной. Едва освоившись в кабинете, она почувствовала своим призванием улучшение работы конторы, куда волею судеб попала. За что она и взялась с энтузиазмом, на который только и была способна ее молодая душа. Нужно сказать, что Елизавета всегда была склонна активно помогать людям, делать добро: во время учебы помогала отстающим сдавать «хвосты» по курсовым работам, зачетам и экзаменам, шефствовала над бедными студентами, порой немного помогая им деньгами своих небедных родителей. Отец – директор гимназии, а мать – главный врач поликлиники, по стопам которых она не пошла, так как терпеть не могла эти профессии – во многом, наверное, из-за постоянных разговоров родителей дома о работе. Помогать было свойственно ей. Поэтому она обрадовалась тем возможностям, которые сулила работа и более всего должность.

Однако не все было так безоблачно на душе, как хотелось. Внутренний голос говорил: «Ведь одно дело помогать друзьям и однокурсникам, а совсем другое подчиненным на работе. Не ошибаешься ли ты? Людям, которые много старше тебя, людям с большим опытом жизни и образования трудно помогать. Может быть,

сначала себе поможешь, ну, например, стать настоящим руководителем?»

«А что такое быть настоящим руководителем?» – спросила она сама себя. Ответа не было, и она решила делать то, к чему лежала ее душа.

2

На семейном празднике, устроенном родителями Елизаветы по поводу окончания ею университета и устройства на работу, она поделилась с дядей своими замыслами. Дядя, Николай Степанович, был человеком лет пятидесяти, среднего роста, широкий в плечах и плотного телосложения, с пышной шевелюрой рыжих волос, в которых тут и там проглядывала седина, и с такими же усами. Он внимательно и доброжелательно выслушал ее, положив руку на худенькое плечо, которое отделяла от тонкой и длинной девичьей шеи только узенькая бретелька сиреневого вечернего платья.

– Лиза, то, что ты желаешь улучшить работу конторы, это похвально. Хотя и здесь есть много трудностей и подводных камней. А вот тотальную помощь отдельным сотрудникам – всем и каждому – не одобряю.

– Почему, дядя Коля? – вопросительно, но уверенно, посмотрела на него Лиза и плотно сжала губы. Ямочка на подбородке выделилась еще резче, а крылья красивых разлетающихся бровей чуть ближе сошлись над переносицей.

– Даже в конторе какие-то изменения необходимо проводить, только досконально узнав все вплоть до мелочей и по каждому отделению. А люди – это вообще лес темный. Каждый человек – судьба, да не одна, ибо многие либо сами семейные, либо живут еще с родителями. Тут можно много дров нарубить и сделать еще хуже человеку, чем было. Поэтому заниматься этим не советую! – при этом он усмехнулся в усы. – Помним, помним... Были люди в наше время...

– Что за люди?

– Был у меня институтский товарищ, Саша. Мы получили с ним распределение в один НИИ. Тот благодаря своим способностям и конструктивным предложениям довольно быстро сделал карьеру, стал начальником отдела. Воодушевившись успехом, он стал усовершенствовать всю работу одного бюро, как ему виделось, вплоть до мелочей. Ну, например, взялся даже по-своему расставлять кульманы. И что же? Через месяц многие сотрудники не захотели работать в этом бюро и просили перевести их в другое подразделение.

– Но почему?... Почему они так?..

– Люди, Лизочка, хотят чувствовать себя разумными частями целого, а не бессловесными и безвольными винтиками механизма, управляемого одним человеком. А атмосфера в коллективе – это первое, от чего зависит успех любого проекта – результата общей работы.

– А что твой друг?

– Он отказался от своих идей по переустройству ради сохранения отдела и рабочего процесса. Но эта неудача оставила в нем неизгладимый след и отрицательно повлияла на его работу руководителем. В итоге он перешел с должности начальника отдела в главные специалисты проекта. Вот к чему приводят необдуманные благие намерения и, тем более, благие порывы! – добавил дядя. – А уж что касается помощи человеку, то, пока он сам не попросит помощи, помогать не нужно. И даже, если попросит, нужно еще посмотреть, что за человек. Это не относится к ситуациям, ведущим к гибели или тяжелым травмам, или когда человек находится в бессознательном состоянии. Но и здесь нужно соизмерять свои возможности.

Елизавета не возражала на эти слова, но про себя подумала: «Дядя и родители, которые принадлежат к среднему слою интеллигенции, живут своим опытом, который сформировался в результате их жизни, их деятельности. А я хочу жить своим умом, как велит моя душа поступать в наше эгоистическое время, когда люди так нуждаются в гуманном к себе отношении.

Первым делом Елизавета Сергеевна составила план действий. План состоял из двух частей. Первая часть включала много пунктов по функциональному переустройству конторы, работу которой она собиралась улучшать. Количество пунктов определялось в основном количеством отделов, отдельных бюро и хозяйственных служб. И в каждом пункте было по три подпункта, отражающих положение дел, что должно быть и как этого добиться.

Вторая часть была короткой и менее содержательной. Она включала всего одну фразу – знакомство с коллективом организации, с коллективами отделов, бюро, служб и с отдельными сотрудниками с целью определения общих проблем всего коллектива, проблем каждого малого коллектива и проблем отдельных сотрудников и выработка конкретных путей решения всех этих вопросов.

И напротив каждого пункта Елизавета Сергеевна проставила примерный срок исполнения. Почему примерный? Потому что сроки нужно было согласовать с руководителями подразделений.

Лиза не привыкла откладывать в долгий ящик то, что решила делать. И начала она со второй части. Придя домой, Елизавета включила компьютер и открыла папку, где у нее хранился список сотрудников с адресами и телефонами.

Расстелив на столе карту города, она определила тех сотрудников, которые жили ближе к ней, и, решив начать с них, составила список первоочередников для посещения.

Карту Лиза использовала для верности, хотя вполне могла обойтись и без нее. Еще в старших классах школы и позже, в студенческие годы, она с приятелями любила гулять по улицам, переулкам и закоулкам города, всякий раз выбирая новый маршрут, а вернее они шли «куда глаза глядят». Поэтому она знала не только расположение, но и все повороты улиц, их пересечения,

словом мысленно могла пройти любой маршрут и выйти в нужное место. Как говорится, она знала город так же хорошо, как свою квартиру.

«Да, вот, кстати, квартира, – подумала она, – что-то давненько не убиралась дома. Пыль что ли протереть?» Она намочила тряпку и решила начать с телевизора. И по привычке (видимо, условный рефлекс – подходя к телевизору, включать его) нажала на сенсорную кнопку.

В новостном сюжете рассказывалось о массовой проституции в городе П., и о том, что шестьдесят сутенеров предстали перед судом. Но, несмотря на обилие обвинительных материалов, суд оправдал пятьдесят шесть (!) сутенеров полностью, не найдя в их действиях никакого состава преступления, и освободил прямо из зала. Осуждены были лишь пятеро, и то на два года в колонии общего режима. И это после всего того, что творилось в городе!

Елизавета переключила канал, и услышала риторический вопрос ведущего: «Кому нужно, чтобы закон против педофилов не работал?» И тут же даже без мгновения паузы орущая реклама – «Бери, покупай сейчас! Ты же это хочешь, так не медли!..» Лиза нервно нажала на кнопку выключения питания. «Это называется, расслабилась, отдохнула! – подумала она. – Один негатив...»

Укрепившись в необходимости делать добро, создавать вокруг позитив, Елизавета вернулась к столу и внесла в ежедневник на завтра четыре адреса из списка.

Составлять список дел приучил ее отец. У него не обходилось и дня, чтобы он не занимался этим. Список необходимых действий на работе, куда зайти и что нужно сделать после работы, список покупок в магазине, дела дома – его карманы пиджака и рубашек, письменный стол были полны листками со списками. Вот и дочь, горячо любящая отца, заразилась этим.

На следующий день после работы, в восемь вечера, когда люди, сделав свои обычные дела, отдыхают, Елизавета зашла по первому адресу из списка – к работнице типографского отдела Ксении Николаевне Семенцовой. Жила она в «хрущевке»-пятиэтажке с пропахшим всеми запахами подъезде, обшарпанными стенами лестничных пролетов и вдобавок еще на пятом этаже. А, как известно, в «хрущевках» лифтов не бывает.

Дверь открыла женщина лет пятидесяти, с большими серыми чуть насмешливыми глазами, сухонькая, с гладко зачесанными назад волосами и пучком на затылке. Увидев директрису, она онемела от удивления, тонкие брови ее задрожали и поползли вверх. Некоторое время она стояла так в дверях, потом опомнилась:

– Здравствуйте, Елизавета Сергеевна! Вы... ко мне?

– К вам, Ксения Николаевна.

– Ой, что же это я, – засуетилась она, – проходите, раздевайтесь. Может чаю?

– Нет, нет, ничего не нужно, не беспокойтесь. Раздеваться я не буду, вот только обувь сниму.

И сняв сапоги, вслед за хозяйкой прошла в комнату. Они сели за стол.

– Как живете, Ксения Николаевна? – спросила Елизавета и достала свою записную книжку.

– Помаленьку... Так, ничего себе. Вот с дочкой и живем, – сказала она и внимательно, словно оценивающе посмотрела на Лизу.

– А где она у вас?

– С подругами. Дело молодое...

– Учится, работает?

– Двадцать три ей, на медфаке нашего университета учится.

– Мне ровесница!

– Вам двадцать три?

– Да... – Почему-то смутилась Елизавета. – Может быть, у вас, Ксения Николаевна, какие-нибудь проблемы есть?

– Проблемы? – улыбнулась та. – Да вопросов мешок, что же я буду вас загружать ими! – Она засмеялась, опустив глаза и втянув голову в плечи, одновременно вытягивая сложенные ладошками руки вперед. – Пес наш вот издох недавно. Жалко, столько лет прожил с нами, – вдруг добавила она.

– Так может, я вам щенка хорошего породистого помогу найти?

– Куда нам породистого, дорогого, небось? Нам попроще бы...

– Хорошо, – сказала Лиза и пометила у себя в книжке.

Ксения Николаевна с легкой улыбкой на узких сухих губах следила за ее рукой.

– Чаю, Елизавета Сергеевна?

– Нет, нет, спасибо. Мне еще сегодня к троим зайти надо.

Ксения Николаевна удивленно посмотрела на нее. Но ничего не сказала.

После Семенцовой Лиза зашла к стоявшей в списке второй Артамоновой Владилене Олеговне, работавшей в конструкторском отделе. Та оказалась невысокой тридцатилетней женщиной среднего телосложения с копной рыжих волос и светло-кариими глазами. Немного стесняясь своего простенького халата и неприбранной квартиры, она пригласила Елизавету Сергеевну пройти. В двухкомнатной «хрущевке» жили: она с мужем и двое детей школьного возраста.

– Да, тесновато у вас...

– Что поделаешь? В очереди-то мы стоим, но движется она – одно слово, плохо!.. Да вы садитесь, Елизавета Сергеевна, садитесь вот сюда, – она указала на диван.

– А где ваш супруг работает?

– Инвалид я, – ответил вошедший в комнату мужчина в спортивном костюме. – В двенадцать лет попал под поезд – с ребятами баловались на железной дороге, отрезало ногу... Высшее образование не «потянул», а рабочим на протезе – тяжело. Вот и работаю вахтером, получаю пять тысяч да плюс инвалидскую...

– А дети ваши, в каких классах учатся?

– Сын – в третьем, а дочка – во втором. Они у нас один за другим родились. Дети способные: сын тянется к художественной самодеятельности, к театру даже, любит образы разные представлять – вот и дома нам представления устраивает. Дочка же хорошо рисует, даже масляными красками пишет. Вот, посмотрите! – и она показала на довольно живописные произведения, висевшие на стене над диваном.

– Да, вижу, очень хорошие!

– Им бы учиться по-настоящему с этих-то лет. Но там, где серьезное преподавание, нужно платить. Где же бесплатно – учат хуже, на уровне школьных кружков. А семейный бюджет у нас, сами понимаете теперь какой, и больше никаких доходов нет.

– Понимаю...

– И в квартире ремонт нужен, как видите, и мужу протез уже пора менять. Деньги, везде деньги и большие, по крайней мере, для нас.

– Чем я могу вам помочь?

– Да вот в этом бы...

– Не переживайте. Скоро будем решать в отношении зарплат. А ваши проблемы все я тоже записала.

...Следующим по списку был Ревенко Владимир Михайлович, работавший в бухгалтерии старшим бухгалте-

ром. Оказалось, что он одинок – жена умерла пять лет тому назад от рака. Пятидесятипятилетний мужчина среднего роста с незапоминающимся лицом и русыми волосами, по его словам, страдал сильным полиартритом и ревматизмом.

– Хорошо бы в Мацесту поездить, ванны тамошние попринимать... Да денег нет, дорого нынче все это «удовольствие» стоит, и матери-старушке девятый десяток пошел – одну не оставишь, нужен уход, а значит сиделку нанимать – опять деньги... – Владимир Михайлович опустил голову, немного помолчал. – А вот, когда мне было тридцать лет, помню, в профкоме путевку можно было получить за пятую – третью часть

месячной зарплаты. Сейчас разве за такие деньги купишь?

– Понятно, понятно... Я все записала, будем думать!

...Напоследок Елизавета зашла к супружеской паре Сергеевских, они оба работали в конторе, но в разных отделах. Муж – в службе главного инженера, а жена – счетоводом-кассиром. У них ситуация оказалась еще хуже, чем у предыдущих: старый дом, трубы все проржавели, текут и то тут, то там прорываются. А в жилищной конторе отчитались, что капитальный ремонт дома уже произведен (хотя это был всего лишь «косметический» ремонт крыш, подъездов, лестниц и лестничных площадок), а следующий теперь – только через десять лет. Поэтому кроме них самих никто не сделает, а денег не хватает, так как дочь учится, хоть и на бюджетном месте в университете, но одевать, кормить и на карманные расходы давать нужно, да и родителям пожилым помогать необходимо...

– Чем помочь? Да вот хотя бы с трубами...

– Я поняла...

Шла Лиза домой и думала, анализировала все, что довелось услышать. Вот, какие разные люди, какие разные вопросы перед ними ставит жизнь, разные трудности им приходится преодолевать, но все упирается в деньги – в зарплаты, в фонды помощи. Поэтому она решила с завтрашнего дня заняться этим, оставив пока начатое общение с работниками в домашней обстановке, а заодно перейти к осуществлению второй части своего плана.

Елизавета каждый день в течение двух часов посещала какое-либо подразделение и, побеседовав с руководителем, общалась с работниками. Начальники, как правило, внимательно слушали, молчали, иногда улыбались и на все вопросы, что нужно реорганизовать в работе отдела, ничего конкретного не говорили. У Елизаветы складывалось впечатление, что они все просто ждут ценных указаний руководства. Если у Лизы вырывались какие-то конкретные предложения, то в

ответ она слышала: «Подумаем...», «Решим...» и в том же духе. Но как только речь заходила о техническом обеспечении, о премиях, тут же они оживлялись и говорили – «Нужно!..».

Работники отделов, отвечая на Лизины вопросы, все сводили к заработной плате, буфету, отоплению зимой и вентиляции летом. Все разговоры на другие темы, например, о работе техники, о лучшей расстановке кульманов, столов и оборудования, об освещении, о модернизации условий труда и об информационном обеспечении сводились к ничему не значащим замечаниям или же не поддерживались вовсе.

Вот и сейчас в конструкторском отделе состоялся такой же разговор. Люди говорили эмоционально, перебивая друг друга.

– Цены в буфете, Елизавета Сергеевна, могли бы быть и пониже, а продукты покачественнее!– заявила дородная женщина с прямыми с проседью волосами, зачесанными назад и собранными на затылке в узел.

– Да, неплохо бы, чтобы посвежее!– вторила ей худенькая женщина лет сорока.

– Маленький буфет-то, Елизавета Сергеевна, не умещаемся. Приходится или в рабочее время ходить, или из дома брать еду и есть на рабочем месте. А это не всем нравится. Вот я, например, люблю есть горячее,– разговорилась первая.

– А уж о вежливости буфетчицы Нины и говорить не приходится!– заявил молчавший все время мужчина с большими выразительными глазами, тонкими губами, нервно подергивающий кожу у ногтя большого пальца левой руки.

– Еще бы о зарплате не мешало поговорить, раз уж зашел разговор. Она все больше и больше отстает от роста цен. Эх, да что там!.. Работаешь, работаешь, а получаешь фактически все меньше и меньше...– с горечью в голосе сказала женщина с аккуратно завитыми совершенно седыми волосами.

– Да, работаешь, работаешь...– махнув рукой, поддержала ее первая женщина, а мужчина,

одобрительно покивав головой, снова занялся своим заусенцем.

– Летом, Елизавета Сергеевна, нечем дышать в отделе из-за жары и пыли, а зимой – батареи чуть теплые, – снова вступила в разговор худенькая.

– Не мешало бы установить хотя бы самый дешевый кондиционер и прочистить, наконец, батареи, – прямо глядя в глаза, спокойно предложила седая.

– А осенью и весной, в переходный период тут околеть можно, хотя бы элементарные обогреватели поставили! – нервно и с какой-то внутренней решимостью, как обычно говорят люди, уже и не надеющиеся на положительное решение по своему предложению, но решающиеся заявить его, воскликнула первая женщина.

Елизавета внимательно слушала, не делая пометок в своем блокноте, так как везде говорили об одном и том же. Говорили разные люди из разных отделов, но затрагиваемые вопросы у всех были одни и те же. Она поблагодарила людей за откровенность и пошла к себе обдумать все услышанное.

5

На следующий день после планерки Лиза попросила остаться главного инженера и высказала ему несколько предложений по функциональной реорганизации конторы. Главный инженер, мужчина лет пятидесяти, высокий, статный, широкий в плечах, с копной густых, зачесанных назад волос, снял очки и слушал Лизу, глядя на нее своими большими добрыми, с легкой поволокой глазами. Когда она закончила, он немного помолчал и, продолжая все также глядеть в глаза, негромко, но уверенно ответил.

– Решим!.. – и вновь замолчал.

– Давайте определимся по срокам решения по каждому пункту, Валерий Николаевич, – сказала Лиза.

– Нужно подумать!.. – продолжая смотреть на нее, и не меняя выражения глаз, ответил тот.

– Подумайте, подумайте, Валерий Николаевич, – не зная, что сказать на такие расплывчатые, ничего не определяющие реплики главного инженера, проговорила Лиза.

– Не переживайте, Елизавета Сергеевна, все будет исполнено, – как бы прочитав ее мысли, на секунду опустил взгляд и, кивнув головой, ответил Валерий Николаевич.

Лиза оторвала взгляд от гипнотических глаз главного и увидела на стене картину. Это был написанный маслом пейзаж. От изображенной на картине реки, луга, дальнего леса и высокого бездонного неба веяло таким спокойствием, что хотелось забыть обо всем и окунуться в эту красоту всем своим существом...

– Хорошо, идите и проработайте план, чтобы в нем были указаны сроки по пунктам, – не добившись своего сразу, продолжала настаивать Елизавета.

Главный инженер как-то в пол-оборота, но уверенно, прошествовал к двери, открыл ее и, повернувшись всем телом в Лизе, улыбнулся и, пятась, вышел из кабинета.

Немного погодя, Лиза вызвала главного бухгалтера и заместителя по кадрам, решив поговорить с ними по зарплате сотрудников. В ожидании их прихода она подошла к окну. Сквозь причудливые, дивно напоминающие травяные заросли, морозные узоры проглядывало солнце, и искрились сосульки. Стоял ясный холодный январский день.

Главный бухгалтер и заместитель по кадрам вошли в кабинет вместе и, пройдя к столу, сели на ближние стулья по обе стороны приставного стола.

– Я хочу поговорить с вами о повышении зарплат сотрудников, – твердо сказала Лиза.

– Ну, что ж, давайте поговорим, – добродушно улыбаясь, ответила главный бухгалтер, полная женщина в строгом темно-сером костюме и с волосами, собранными сзади в пучок.

– Я считаю, что люди наши мало получают. Неплохо бы повесить им оклады. Что вы можете предложить по этому вопросу, Алевтина Сергеевна?

– Неплохо бы... А как вы думаете это сделать?

– Я хочу услышать от вас, Алевтина Сергеевна, ответ на свой вопрос, – в голосе Лизы послышались начальственные нотки.

– Елизавета Сергеевна, вы же понимаете, что фонд заработной платы нам никто не увеличит, – не сдавалась главбух. – Значит придется сокращать людей и за их счет увеличивать зарплату остальным...

– Да. А это очень неприятное дело сокращать, – подала голос заместитель, Валентина Петровна, не полная, но и не худая женщина, про которых говорят упругая, что и подчеркивала облегающая ее одежда.

– А кого, вы думаете, можно было бы сократить? – с некоторой робостью спросила Лиза.

– Ну, как кого? Вот, например, в любом бюро в среднем работает четверо-пятеро людей. Можно одного человека сократить, и его оклад поделить между оставшимися. Тогда у каждого из них зарплата увеличится в среднем на двадцать пять процентов.

– Валентина Петровна, а других путей нет? Не хотелось бы сокращать столько работников. Может быть, сократить лучше двух человек из руководства?

– Елизавета Сергеевна, кто же их функции тогда будет выполнять – по финансам, по инженерным вопросам, по бухгалтерии, по хозяйству, по кадрам, наконец? – вскинула брови заместитель.

– Ну, распределим их функции между оставшимися руководителями...

– А зарплата у них вырастет? – спросила главный бухгалтер.

– Нет, конечно! Сэкономленные деньги пойдут на повышение заработной платы сотрудников. Ведь это – наша цель! – твердо ответила Лиза.

– Вы серьезно хотите сократить двух руководителей, Елизавета Сергеевна? – долго глядя на Лизу, и напружинившись, спросила заместитель.

– А почему бы и нет? Это ведь лучше, чем сократить двадцать – двадцать пять человек. Как это сокращение отразится на их жизни? А руководители всегда найдут

себе работу... Можно и не сокращать руководителей, если вы считаете, что это плохо отразится на работе, а уменьшить зарплаты всем руководителям, скажем, на двадцать пять процентов и за счет этого помочь остальным. Ведь не секрет, что разница в оплате рядового работника и руководителя отличается примерно в десять раз!

В кабинете наступило гробовое молчание... Размеренно тикали электронные часы на стене, слышен был далекий гул пролетавшего над городом самолета.

– А что, если нам не трогать зарплаты, а уменьшить премиальный фонд всего руководства, в том числе и мой? Я посмотрела отчет за прошлый год, это очень и очень солидная сумма.

– Подумаем, подумаем, Елизавета Сергеевна, – сразу же ответила главный бухгалтер.

– Порешаем!... – в тон ей сказала заместитель по кадрам.

– Подумайте, порешайте, как лучше, и завтра в 17-00 прошу ко мне в кабинет! – с удовлетворением от предчувствия хорошего результата завершила разговор Елизавета Сергеевна.

6

Но на следующий день, едва переступив порог вверенной организации, Лиза услышала.

– Галина Ивановна, – взволнованная сотрудница обращалась к вахтеру, – вы звонили в аварийную? Ведь на улице двадцать восемь градусов мороза!

– Да, нет, я спала. Пока батареи остыли, прошло какое-то время. Под утро проснулась от холода. Теперь уж что звонить... Начальство сейчас придет, пусть решает.

– Ой, Елизавета Сергеевна, здравствуйте! У нас ЧП – батареи совсем холодные. Мы тут околели сегодня совсем!

– А, что случилось? Вы из какого отдела? Где зам по хозяйству?... – Лиза растерялась и задавала вопросы один за другим, обращаясь к обеим женщинам сразу, не дожидаясь ответа.

– Пал Иваныч побежал в другой конец здания, посмотреть, как там дела, – ответила вахтерша.

– Я ему сейчас позвоню на сотовый, – сказала Лиза, доставая телефон по пути в свой кабинет.

Номер завхоза был занят. Поднявшись на второй этаж, она торопливо пересекла холл с диванами и столиками, пролетела через приемную, кивнув секретарше, и, распахнув дверь кабинета, бросилась к батареям. Они были, как лед. Не снимая шубку, она села за свой письменный стол и нервно подняла трубку телефона, еще толком не зная, куда будет звонить. В это время в кабинет влетел Павел Иванович, заместитель по хозяйству.

– Павел Иванович, что случилось?

– Коллектор «полетел», Елизавета Сергеевна, – сказал он и, заметив недоумение на лице директора, добавил, показывая на окно. – Вот в той пристройке во дворе у нас коллектор отопления. И он не работает. Нужно дождаться сантехника нашего, он с минуты на минуту должен быть.

– А почему его до сих пор нет на рабочем месте?

– Он на больничном третий день.

– Так, может, аварийку лучше вызвать?

– Сказал, что уже едет. А нужно будет, вызовем и аварийку.

– Что это вдруг случилось с коллектором? Его готовили к зиме?

– Да, готовили. Но ведь нашему оборудованию, как и трубам с батареями, сорок-пятьдесят лет. Уже свое, как говорится, отслужили, пора и честь знать, – последнюю фразу зам произнес, подняв печальные глаза на директора.

В это время в кабинет заглянула секретарша, высокая стройная темноволосая девушка.

– Елизавета Сергеевна, сантехник пришел.

Лиза вдвоем с Павлом Ивановичем вышли в приемную и с сантехником Василием через подвальное помещение прошли в коллекторную. Труба, по которой извне поступала горячая вода, была теплой, а та, по которой

теплая вода должна была поступать в отопительную систему, была абсолютно холодной.

– Придется завернуть вентиль, – сказал Василий, показывая куда-то в угол, – и перебрать коллектор.

– Сколько времени это все может занять? – спросила Лиза.

– Может, и до конца смены.

– А обогреватели у нас есть, Павел Иванович?

– Да, по одному на комнату. Только они на складе.

– Выдайте всем обогреватели. Я имею в виду – во все отделы, – поправила Лиза. – Электроэнергии мы много возьмем сегодня. Ну, да ничего, зато людям будет тепло, и работа не остановится.

– А вы, – обратилась она к сантехнику, – займитесь прямо сейчас. Если нужна будет помощь, скажите, организуем.

– Хорошо, – Василий долгим пронзительным взглядом посмотрел на Лизу.

«Что он так смотрит? Неужели за это нужно платить особо? Это ведь его работа...» – думала она, наблюдая, как сантехник приступает к работе.

– Да вы хоть переоденьтесь! – сказала она, выходя из коллекторной и делая знак рукой Павлу Ивановичу, чтобы тот шел за ней. Тот повернулся, чтобы идти, напоследок что-то говоря Василию.

Не прошло и часа, как сантехник постучался в кабинет и с порога сказал:

– Нужно вызывать аварийку, так как не могу отвернуть болты – проржавели до невозможности. Нужно срезать, потом сверлить в других местах, нарезать резьбу и новыми болтами заворачивать. Да и менять, чует сердце, внутри кое-что придется – старье ведь, Елизавета Сергеевна!..

– Павел Иванович, а говорили, что готовили коллектор?

– Ну, проверяли, простукивали... А как его готовить еще, если испокон века его не разбирали?

– Все понятно...

– Что понятно?– вскинул тот на Лизу глаза, снова ставшие печальными.

– Вызывайте аварийку!

– Сейчас,– сказал зам, подходя к телефону.

Дозвонился он не сразу. Потом убеждал бригаду аварийки приехать сегодня и как можно быстрее. Договорились на 15 часов.

– Когда же они закончат?– потеряно спросила Лиза.

– Может, сегодня, и может, допоздна. Все будет зависеть от того, придется ли что менять,– ответил Василий.

Аварийка приехала в 16-00, и сразу же рабочие с Павлом Ивановичем и Василием направились в коллекторную. Елизавете зам не позволил идти, сказав, что там холодно, и она может простыть. Елизавета от сегодняшней нервозности чувствовала сильную усталость и согласилась с ним.

– Так-то будет лучше,– сказал тот.

7

На следующий день батареи во всем здании были теплые, как и прежде. Елизавета вздохнула с облегчением и решила продолжить разговор по поводу зарплат сотрудников. Все руководители были на месте. И она пригласила главбуха и заместителя по кадрам к себе в кабинет. Остальных руководителей она отпустила заниматься своими делами, сказав Павлу Ивановичу, чтобы он на досуге подумал о буфете. Павел Иванович, согласно кивнув головой, снова посмотрел на Елизавету своим долгим и печальным взглядом. Но та, занятая мыслями о предстоящем разговоре, внутренне отмахнулась от него, решив на досуге подумать, что бы означал этот взгляд Павла Ивановича, который она за ним раньше не замечала.

Женщины сели не за стол заседаний, а в кресла, стоящие вокруг низенького столика, предназначенные для неформального общения. Рядом у стены, образуя полукруг, росли пальмы, фикусы, кактусы, и в клетке

щебетала заморская птица. В самом углу стояла деревянная мельничка. На колесо ее струилась, подсвеченная разноцветными лучами вода. Щебетание птицы, шум воды и зелень создавали неповторимый уют этого уголка.

Елизавета кнопкой вызвала секретаршу Наташу и попросила принести всем чай.

– Мне, если можно, кофе,– попросила Алевтина Сергеевна, главный бухгалтер.

– Два чая и один кофе, – с улыбкой уточнила Елизавета.

– Хорошо, Елизавета Сергеевна,– ответила Наташа, которой, видимо, нравилась и сама директор и ее простое, доброжелательное, отнюдь не начальственное обращение с ней.

Женщины в ожидании напитков перекидывались между собой ничего не значащими фразами о погоде, о курсах валют, о последнем сериале. Но говорили между собой в основном главный бухгалтер и заместитель. Елизавета участвовала только междометиями и мимикой, держа дистанцию для предстоящего серьезного разговора.

В кабинет вошла секретарша, ловко поставила на середину стола поднос и оставила на нем элегантный чайник и два прибора для чая, а чашечку с кофе поставила рядом с Алевтиной Сергеевной.

– Так что вы решили по поводу моего последнего предложения,– спросила Елизавета, когда Наташа вышла.

Наступила пауза, во время которой было слышно легкое позванивание ложечек, постукивание чашек о блюдца и шорох разрываемой обертки с печенья.

– По поводу премиального фонда?– переспросила Валентина Петровна.

– Да, совершенно верно,– подтвердила Лиза, внимательно посмотрев на зама по кадрам и главбуха.

– Думаем, думаем... Решаем...– ответили обе женщины одновременно.

– Может быть, у вас есть какие-то предложения или вопросы?– спросила Лиза.

Вместо ответа собеседницы сосредоточились на питье, цепко поглядывая на директора.

– Нет, пока нет...– первой нарушила молчание Алевтина Сергеевна.– Нужно все взвесить.

– Ну, хорошо, думайте, взвешивайте! Сегодня у нас четверг. Двух дней вам хватит, чтобы посоветоваться и решить?

– Да, вполне,– за обеих ответила Валентина Петровна.

Долгим испытующим взглядом она и Лиза посмотрели друг на друга.

– Тогда в понедельник в десять ноль-ноль я жду вас с окончательными предложениями и расчетами,– последние слова Лиза адресовала непосредственно Алевтине Сергеевне.

– Сделаем...– ответили обе и, поблагодарив за угощение, вышли из кабинета.

8

Первый день следующей рабочей недели оправдал ожидания тяжелого дня. Елизавета пришла на работу ранее обычного времени, чтобы подготовиться к разговору с руководителями по всем накопившимся вопросам. Первый раз за все время работы в организации Елизавета начинала свой день, как и все, в восемь часов. Она привычно нажала кнопку включения компьютера. Тот загудел и стал загружаться. В это время неожиданно в кабинете погас свет, и экран компьютера прекратил подавать признаки жизни.

Лиза растерянно оглянулась по сторонам и откинулась на спинку кресла. В то же мгновение в кабинет вбежала секретарша и открыла, было, рот, чтобы сказать о том, что неожиданно выключился компьютер, как поняла, что это произошло не только у нее.

– Наташа, позвони Павлу Ивановичу и узнай, как обстоят дела с электричеством в здании...

Но не успела она договорить, как в кабинет вошел Павел Иванович собственной персоной. Лиза встала ему навстречу.

– Елизавета Сергеевна, у нас неожиданно выключилось электричество. Что будем делать дальше?– спросил он.

– Это я у вас должна спросить, что мы будем делать!

– Я думаю, многие компьютеры не выдержат такого отключения, если перед этим был резкий скачок напряжения. Ведь они у нас очень старенькие...– сказал он и снова своими большими печальными глазами посмотрел на директора.

Лиза особенно не разбиралась в компьютерах – они были для нее «китайской грамотой», но от его слов и, особенно, от взгляда ей стало не по себе. «Не слишком ли много аварий за последние дни?– подумала она.– И что он все время на меня так смотрит, когда что-либо случается?»

В это время раздался телефонный звонок.

– Елизавета Сергеевна, мы будем сегодня обсуждать вопрос о сокращении премиального фонда?– раздался в трубке голос заместителя по кадрам.– Вы назначили время в десять ноль-ноль. Или в связи с последним происшествием мы отложим?..

Лиза почувствовала иронию в ее словах.

– Да, давайте отложим...– произнесла она и положила трубку.

– Павел Иванович, с электриком определите причину случившегося и в соответствии с нею примите срочные меры для восстановления энергопитания здания!– не глядя на него, отдала распоряжение Лиза и обратилась к секретарше – Наталья, оставьте меня, мне нужно поработать с документами...

Оставшись наедине с собой, Лиза снова села в кресло и задумалась. В ее сознании прошли как кадры киноленты все события последних дней в четкой последовательности. Параллельно с ними в памяти возникали лица людей, с которыми она общалась накануне, во время и после этих событий, звучали их слова. Лиза обладала хорошей памятью и развитым

логическим мышлением, которое и сейчас быстро выстроило цепочку связей и выдало результат... Но Лиза отогнала эту догадку, отмахнулась от нее, она просто не хотела в это верить.

«Так просто не может быть,— подумала она сердцем,— ведь я хочу стольким людям добра!»

«Наивная девочка,— ответило на её мысли логическое сознание,— а те «сильные организации сей», у которых ты хочешь сократить премии, очень хотят добра лично себе!»

9

Павел Иванович доложил, что, как он и думал, многие старенькие компьютеры не справились с аварийным скачком напряжения, который в тот момент зафиксировали в памяти сотрудники конторы. В основном вопросы возникли с программным обеспечением. В связи с чем понадобится переустановка операционной системы. Но произошли и технические поломки. На устранение всего этого необходимо время, в течение которого работа будет стоять.

«Снова простой!— подумала Елизавета.— И все это стало происходить после того, как я подняла вопрос о сокращении премиального фонда или зарплат руководителей, а может быть, и две должности из их состава...»

Ее догадка стала ясной и четкой мыслью, и она не стала отмахиваться от нее. Но сейчас, когда, казалось бы, загадка была разрешена, Лизе от этого легче не стало, а даже наоборот. Любые тяжелые обстоятельства можно преодолеть, если знаешь, что рядом локоть товарища по работе, плечо друга, на которого можно опереться и поддержка коллектива. В данной ситуации, в которой оказалась Лиза, у нее не было ни малейшей поддержки среди руководителей, которые должны были стать ближайшими помощниками. А среди нижестоящих сотрудников она — очень молодой

директор, а проще говоря, девчонка, еще совсем не смогла себя зарекомендовать.

Лизе было плохо. Она почувствовала холод, который рождает в душе одиночество. Тем более, что эта среда была ей враждебна. Она вновь почувствовала себя той шестилетней девочкой, которая, впервые придя в группу детского сада, стала активно взаимодействовать с окружающими детьми, как она привыкла это делать дома со взрослыми, будучи всегда центром их внимания. Она предлагала свои решения в играх, свою помощь, громко говорила, смеялась, но... дети вытолкнули ее из своей среды. И, когда мама пришла за ней, то нашла ее сидящей в углу, зареванной...

Лиза вспомнила слова дяди, Николая Степановича, о множестве трудностей и подводных камней на том пути, что она себе наметила. «Вот они и наступили эти «трудности и подводные камни»,— подумала она.— Даже непреодолимые препятствия. Так может дойти до того, что развалится вся работа в конторе, и поверят не ей, молодому специалисту, а им, старым проверенным кадрам со связями везде, где нужно.— Лиза нахмурила брови и слегка потерла пальцем ямочку на подбородке, что всегда сопровождало глубокую задумчивость перед принятием решения.— Значит, если я хочу остаться на этом месте, то должна отставить начатое, успокоиться и оставить в покое всех их...— Она задумалась над тем, как бы поточнее назвать своих замов, но, не придумав ничего подходящего, что точно и емко характеризовало бы этих людей, ограничилась коротким собирательным местоимением «их».— Или продолжать, но тогда меня «уйдут»?

10

Так, размышляя, Лиза шла по улице. Стоял зимний январский вечер. В сумерках ослепительно белый мягкий пушистый снег, ровным слоем покрывавший землю, окрашивался вперемешку фонарями желтого и так называемого «искусственного» света, вывесками

магазинов и фирм, рекламой и фарами машин. Снег пушистым покровом лежал повсюду – на скамейках, на крышах домов, на деревьях и кустах, на давно стоящих машинах. Только проезжая часть улицы, хорошо очищенная накануне, черной лентой вилась между домами. Кое-где на деревьях виднелись красные гроздья рябины и прошлогодние, так и неопавшие листья. Снега было много, и лапы елей и сосен также едва проглядывали из-под него. Навстречу, и обгоняя Лизу, шли люди, спеша по своим, одним им ведомым делам. Со двора большого дома слышались радостные крики детворы, катающейся на санках с естественной горки, которую образовывал большой овраг...

Елизавета свернула налево за угол и, задумавшись стала переходить пустую улицу, не обращая внимания на сигналы светофора. Вдруг она услышала скрежет тормозов, и прямо рядом с ней, чуть касаясь ее, оказался капот машины. Она шарахнулась в сторону, упала, не удержавшись на ногах, и ударилась головой о мостовую.

– Куда смотришь, ворона безмозглая?– крикнул водитель, вылезая из машины.– Помощь нужна?– уже вежливее, склонившись над ней и протягивая руку, сказал он.

– Ничего... Спасибо, я сама...– Лиза поднялась, вернулась на тротуар и отряхнула пальто. Все было в порядке, только немного побаливала голова. На этот раз она дождалась зеленого сигнала и перешла улицу...

Дома усталость, более умственная, чем физическая, навалилась на нее. Книга несколько раз валилась из рук. Включила телевизор и, хотя передача была интересной – по каналу «Спас» передавали документальный фильм о Скобелеве,– смотрела машинально, а потом и вовсе стала просто переключать каналы. Когда это занятие надоело, стала ходить из комнаты в комнату, пока, остановившись у зеркала, не увидела свое осунувшееся лицо с потухшими глазами.

«Все, хватит дурью маяться – пора спать!..»

И приснился этой ночью Лизе сон будто она – царица. Сидит на троне и одаривает бесконечно подходящих к

ней людей. Все одариваемые стараются чем-то прислужить ей, подобострастно улыбаются. Придворные несут ей указы на подпись.

– А много ли у нас еще в казне?– Спрашивает она у казначея.

– Много, матушка-царица!..

Вдруг раздается сильный звон. Казначей открывает большой ларь, а он – пуст! Лица людей скучнеют, сереют, и все разбегаются. Лиза остается одна, а звон все звучит и звучит...

Она проснулась – звенел будильник. Не открывая глаз, протянула руку, нажала кнопку. Болела голова, но Лиза по привычке пультом включила телевизор и нашла передачу «Доброе утро».

«У нас в гостях заслуженный врач России Владимир Федорович Н-ский. Скажите, доктор, в чем на ваш взгляд главная проблема современной медицины?»

– Если кратко, то она в том, что современная медицина в основном лечит симптомы, а не сами причины заболеваний...»

Голова раскалывалась до такой степени, что тяжело было повернуть шею. Она выключила телевизор, так и не дослушав интересное выступление врача, встала и, выпив сразу две таблетки цитрамона, стала собираться на работу...

В конторе все было как всегда. На месте были отделы и столы, начальники и столоначальники, сотрудники выполняли свои годами заведенные функции, с ней, директором, все здоровались первыми и улыбались ей... Но что-то было не так. Может быть, в улыбках и интонациях, а может быть, в самой атмосфере, царившей в учреждении. То тут, то там в коридорах слышался говорок, небольшие группки сотрудников рассыпались при ее появлении, люди, стараясь не глядеть на нее, с тенью иронической улыбки на лице спешно возвращались в свои комнаты.

Улыбки, улыбочки... Перешептывания, взгляды... Теперь это было каждый день. Ее слова, указания тоже

сопровождались снисходительно-ироническими улыбками и междуметиями. Что-то было не так...

«Эх, Лиза, Лизочка, Лизок, – подумала она. – Наверное, прав был дядя, Николай Степанович, когда говорил о причинении добра... И как это он любит говаривать? – А, вот-вот: «Если б молодость знала, а старость могла!»

Через месяц Елизавета уволилась из конторы. Устроилась она сама – рядовым экономистом на завод, правда, не на рядовой, а купленный несколькими годами ранее одной крупной западной фирмой.

Что поделаешь, это тоже симптом нашего времени...

ЗА ДОБРОТУ ЕГО!

1

В ту достопамятную жару кругом пылали леса и торфяники. Все так заволокло дымом, что нечем было дышать, слезились глаза, и ужасно хотелось спать. Пожарные, все как один, еще днем выехали на тушение пылающего по соседству леса. В селе на ночь остался только один дежурный. Тогда-то и сгорело село Ордынка.

Сейчас уже и разобратъ нельзя, то ли огонь добежал до домов с торфяного или лесного пожарища, то ли загорелось где-то тут, в домах. Дело усугубилось тем, что в ту ночь кольцо внешнего огня быстро сомкнулось вокруг села, отрезав пожарных в лесу широкой огненной полосой. Предприятий, как и кирпичных или блочных домов, в селе не было. Деревянные же домики стояли близко друг к другу, так что огонь шел валом. Поэтому людям и деваться-то было некуда. Кто-то пытался, включив насос, поливать из шланга. Но то было каплей в море огня. Насосов-то в селе нашлось немного, и сильное пламя распространялось так быстро, что ничего уже помочь не могло. Люди потом говорили: «Вот, если бы заранее окопать село по периметру, то еще можно было бы

побороться со стихией!» Говорили, что за несколько дней до этого кто-то настойчиво призывал окопать село. Да, как водится, к «гласу вопиющего в пустыне» никто тогда не прислушался. Поэтому победила, на сей раз, стихия, и село сгорело в одночасье.

Трагедия эта потрясла всю область и через телевидение всю страну. Сгорело не только село, сгорело много людей. Смерть застигла кого в доме, кого в магазине, кого в школе или детском саду. Кто-то пытался бежать из села, прорваться через полосу огня, думая, что она достаточно узкая, и сгорел в пылающем поле. Те, кто не задохнулся угарным газом и успел выскочить из помещения, сбивались в кучки на пустырях и огородах.

Коридор извне в село все же удалось пробить. Но, как всегда, помощь пришла слишком поздно. Нужно признать, что в те дни вся область то тут, то там пылала, и того небольшого количества наземной техники и авиации, а также людского ресурса не хватало, чтобы справиться с этим огромным и тотальным бедствием. Жара же не думала спадать, и дождей не было три месяца к ряду.

Зрелище после пожара было страшное. На пожарище тлели угли, странными видениями застыли почерневшие от сажи печи с возвышающимися над ними трубами. А между ними стояли такие же черные покореженные металлические кровати, на которых сидели уцелевшие люди, со спасенными из огня пожитками. Их закопченные лица выражали одновременно и возбуждение, которое бывает при длительном контакте с огнем, и депрессию от невосполнимых потерь. От всего увиденного в их глазах застыл ужас. Между ними сновали медики в белых халатах. Самых пострадавших уже вывезли из зоны бедствия, другим же, менее пострадавшим, перед отправкой к месту временного проживания, оказывали помощь на месте. Работали психологи, задавали свои вопросы следователи. Приехали и священники с дьяконами и активными прихожанами из самого ближнего села, где был большой

храм. Они провели молебен, потом молились возле уцелевших людей, беседовали с ними, утешали их, как могли.

2

А в это время у больших серебристого цвета ворот приемного отделения Небесного ведомства толпились вновь прибывшие ордынцы.

– Митрич, и ты тут?! А я думала, тут только праведники собрались? Ха-ха-ха!

– погоди, Нинка, не заливайся... Думаешь серебряные ворота, так и рай уже? Это только суд, соседка... – тяжело вздохнул Митрич.

– Кому суд, а кому и пропускное бюро в рай... – возразила Нина, хотя и не так смело, как до того, так как увидела, как из ворот выходит Ангел со строгим и непреклонным лицом.

– Мы собрали вас, души, здесь, так как зло ваше чрезмерно и село ваше стало одним из центров неперестанного зла. Не было ни дня, ни часа, ни мгновения, чтобы у вас не творилось что-либо недоброе, нехорошее, чтобы не торжествовала гордыня, зависть и злоба, чтобы не цвели пышным цветом прелюбодеяние и чревоугодие, чтобы люди вокруг вас, да и вы сами не ввергались в тоску и уныние, чтобы не было на каждом шагу воровства и надругательств над добрыми и чистыми душами, чтобы не отнималось у ближних, чтобы не творилось им физического и материального вреда. Сейчас будет Суд. Нет ни одного из вас, кто бы не слышал о грядущем Суде. От вашей честности и чистосердечного раскаяния будет очень многое зависеть. Обманывать бессмысленно, это пойдет вам только во вред. Наш небесный «полиграф» в миллионы раз более чуток, чем земной. Есть те, кто не знал о Страшном Суде?

Ордынцы понуро стояли у ворот. Ни один из них не смог признать, что в течение всей своей жизни ни разу не слышал о предстоящем, как думалось, в далекой

перспективе, Суде. Хотя и не представлял себе, как это будет происходить.

– Приготовьтесь, души, сейчас прозвучат серебряные трубы, откроются эти Врата, вы предстанете перед Судьей, и для каждого из вас начнется Страшный Суд!

Не успели прозвучать последние слова Ангела, как зазвучали серебряные трубы. Звук их был настолько прекрасен, что ордынцы замерли в благоговейном молчании. Состояние райского блаженства разлилось в душах. Еще немного и, если бы не открывавшиеся в это время Врата Судилица, они могли поверить, что уже в раю. Однако жест Ангела, вежливо пригласивший их войти, был однозначен.

Ордынцы думали, что увидят что-то необычное, но увиденное несколько разочаровало их. Помещение ничем не отличалось от их районного суда. И сидевший за столом на возвышении судья в обычном черном одеянии, статный, с широким лбом на продолговатом лице, с большой копной белых волос и с такой же бородой, ничем бы не отличался от земного, если бы не тонкий золотистый нимб вокруг головы.

Ропот удивления и разочарования пронесся по группе ордынцев. И тут же, будто предвидя такую реакцию, Ангел протрубил в рог и пригласил первого из них, ближе всего стоящего Митрича, подойти к столу Судьи.

Когда тот подошел и, сев, поднял глаза, то удивлению его не было предела. На Митрича смотрел он сам собственной персоной.

– Как же это?... – раскрыл рот Митрич.

– Да вот так, Митрич! – ответил его «двойник».

– А где же Судья, которого я видел?

– Я и есть твой Судья, ибо я – твоя Совесть.

«Вот оно что, – подумал Митрич. – Ну, со своей совестью я разберусь как-нибудь, не привыкать!..»

О, если бы он знал, как ошибался! Эту Совесть заглушить было нельзя. На земле он мог легко это сделать, активно занявшись чем-нибудь, когда физическая усталость полностью вытесняла всякие мысли, в том числе и голос совести. Он мог забежать

вечерком, а то и на всю ночь к Лариске и забыться там. А чаще всего он глушил поползновения совести курением и, особенно, выпивкой и до такой степени, что период бессмысленного отупения длился и долго после возлияний. Но то было на земле, а тут – другое дело...

А Совесть звучала и звучала, вспоминала все недоброе, нехорошее, что Митрич сотворил. И почему-то не с малолетства, а, наоборот, с последнего дня, даже с последнего мгновения жизни, и так в обратном порядке до малолетства. И некуда было деться, нечего было возразить, нечем было заглушить. И самое главное, что говорил то все это он сам, сам себе в лицо!

Поник головой Митрич, тяжело ему было, очень тяжело и обидно за свою такую вот жизнь. «Неужто в моей жизни так и не было ничего хорошего, ничего светлого и чистого? Неужели я ничего доброго не сделал людям?» – с тоской подумал он. И как только он подумал об этом, появился маленький Ангелочек и говорит Митричу:

– А помнишь, ты как-то шел по улице районного города очень пьяный, толкал всех встречных и сквернословил? А на углу стояла тихая, такая вся аккуратная и интеллигентная женщина и молча, потупив глаза, протягивала руку за милостыней. Ты остановился и долго, шатаясь, смотрел на нее. А потом достал кошелек и все – сколько там было, отдал ей.

– Да ведь там было-то всего несколько десятков! – не выдержал Митрич.

– Ей за весь день люди столько не дали, а ты отдал тогда все, что у тебя было, несмотря на то, что сам не богат!.. А вот как-то в канун Прощеного Воскресенья, ночью, ты развез по дворам обиженных тобою односельчан охапки заранее нарубленных дров. На следующий день все просили друг у друга прощения, кто-то более искренне, кто-то менее, а кто-то и вовсе лицемерно, а ты в это время выпивал с друзьями в пивной.

– И напился так, что не помнил себя... – вставил Митрич.

– Да, это очень плохо, что ты – пьяница и, выпив, сквернословишь и нехорошо себя ведешь. Но то, что ты тогда сделал, то реальное добро, та помощь, которую ты от всей души оказал людям, говорят о раскаянии и чистосердечной просьбе о прощении действием, причем тайным, то есть абсолютно бескорыстным. Ведь люди так и не узнали, кто это сделал...

Так Ангелочек говорил и вспомнил все добрые эпизоды из жизни Митрича, о многих из которых тот вовсе забыл или не придавал им большого значения. Но лицо того, другого Митрича, сидящего напротив, было непроницаемо.

Когда Ангелочек закончил, Митрич-судья позвонил в колокольчик, и пришел Ангел в черном с весами. И на одну их чашу положил пачку листов с описанием неблагоприятных поступков Митрича, а на другую – добрых. И первая чаша перевесила вторую...

3

Сев на место, Митрич первым делом поинтересовался у Нинки-соседки:

– Нин, а на кого Судья был похож?

– Как на кого? – изумилась она. – А ты что, не видишь? На кого сейчас похож, на того и тогда был. Да вот сам посмотри!

Посмотрел Митрич – и, правда, Судья был тот же, как и тогда, когда они вошли через открытые ворота в зал Суда. И никакого Митрича там и в помине не было.

– Ну, как ты? – спросила Нинка.

– Плохи мои дела, соседка, плохи... – ответил он и, тяжело вздохнув, опустил голову.

– Нина Савельева, пройдите к столу Судьи, – протрубив в рог, пригласил Ангел соседку Митрича.

Митрич безотрывно глядел на Судью, ожидая, что тот примет облик Нинки, но Судья оставался все время разговора с ней таким же.

«Долго судят Нинку, видно грехов за ней много», – внутренне позлорадствовал Митрич.

«А, может и добрые поступки за ней водятся?– тут же услышал он голос.– Ведь даже за тобой они есть, почему же ты отказываешь в них другим?»

– Господи, прости и помилуй меня, грешного!..– произнес Митрич давно забытые слова молитвы.

В это время вернулась Нинка-соседка. Глаза ее были мокрые от слез, и она продолжала тихонько всхлипывать.

– Митрич, а Митрич! Ты знаешь, а ведь нас судит здесь не кто иной, как наша собственная Совесть,– сказала она, когда немного успокоилась.– Ты глядел на судью, когда Он со мной говорил?

– Да, глядел, и Судья был такой, как сейчас.

– А когда я была там,– Нинка замолчала, словно ком проглатывала, и продолжила несколько мгновений спустя,– то он был мною...

– И у тебя так?

– Вот те крест!– сказала она и перекрестилась.

– Эх, соседка, крестись – не крестись, а сейчас это как мертвому припарки.

– Ну, не скажи... Мы там, на земле... ну, при жизни, многого не знали. А и тут, видно, еще не поздно покаяться-то.

– Каяться никогда не поздно, да только, думаю, большая разница в том, где это делать.

– Правда твоя, сосед!– согласилась Нина...

4

К тому времени Суд над ордынцами завершился. Они все сидели на своих местах и ожидали дальнейшего.

Через некоторое время к ним вышел Ангел и обратился с вопросом:

– Вам все понятно? Все согласны со своими приговорами?

– Да... Согласен... Что уж?... Согласна, конечно...– раздалось вокруг.

Ангел уже было собрался уйти, как вдруг прозвучал вопрос.

– Не могу понять, за что погибла в огне вот эта девочка, трех лет?– спросил старик, который получил самый суровый приговор.– Грехов-то никаких наделать не успела еще! Я – старый грешник, а умерли мы одной и той же мучительной смертью. Где же Любовь Божья и Справедливость Его?!

– Я ждал этого вопроса. И хорошо, что его задали именно вы... Эта девочка, повзрослев, должна была стать изощренной садисткой и убийцей и причинить много страданий и горя людям до раскрытия своих преступлений и наказания пожизненным заключением. И после этого она должна была прожить еще пятьдесят лет в тюрьме до глубокой старости – есть, пить, дышать воздухом, спать, в то время как многочисленные ее жертвы уже покоились бы в земле, и неутешное горе всю жизнь сопровождало бы их близких. Но Всеведущий, Всемогущий и Милостивый Бог по воле Своей, по милости Своей и по благословию Своему избавил людей от стольких страданий и бед. А этой несчастной душе дал возможность во всей красе многократно увидеть то, что она могла бы сотворить на земле, и переживать эти несовершенные преступления, как совершенные. И все это ради спасения этой души. Вот в этом и есть великие Любовь и Справедливость Божьи, да святится Имя Его!

– А мужчина, Егор Селиванов, который всю жизнь прожил почти как праведник, его-то за что горящим бревном по голове?– не унимался старик.

– Этот человек, действительно, праведник. И Бог, зная о том, сколько страданий, искушений и бед должен был причинить ему в будущем горячо любимый им племянник, взял его к Себе через мгновенную смерть.

– А этого то за что, Василия? Ведь он раскаялся еще на земле за страшные преступления-то свои, и даже совершил много хороших поступков, вплоть до того, что жертвовал жизнью, ради спасения другого. А его с нами...

– Да, мы хорошо знаем Василия. Он – не надолго с вами, и это для того, чтобы вы увидели и услышали. А потом мы возьмем его в рай...

5

Итак, Страшным Судом для каждого ордынца оказался суд собственной Совести. По делам и был вынесен приговор каждому. И вот настал момент приведения в действие этого приговора. Но произошло невероятное. Многие ордынцы забыли все, что с ними происходило накануне, и стали роптать и говорить, что они ни в чем не виновны, что это все те-то и те-то, что это все из-за того-то и того-то, и так далее и тому подобное, стали говорить все то, что в таких случаях говорит большинство осужденных на Земле.

И вот тут, когда происходил этот взрыв личного и временами массового самооправдания, и появились медведеподобные, лохматые и косматые особи с маленькими, горящими красными огоньками глазками. Они ничего не говорили, а только подходили по одному к каждому, крепко обнимали, так что дыхание спирало, и молча тащили своего «клиента» через какие-то ходы-тоннели и щели-пещеры к месту их назначения.

А там ордынцы оставались наедине со своими страстями и желаниями, которые выросли до невероятной силы. И, не имея тела и возможностей, чтобы их удовлетворить, мучились ордынцы неимоверно, немисливо, будто в огне горели и не сгорали. А в промежутках, будто фильм, видели воспоминания о содеянных ими грехах, преступлениях и мучились уже не в силах что-либо изменить...

6

Холодный пот струился по всему телу Митрича. Зуб на зуб не попадал от озноба ужаса, охватившего его. Губы едва слышно шептали: «Господи, буди милостив ко мне грешному!.. Господи, буди милостив ко мне

грешному!..» Сознание медленно-медленно возвращалось к Митричу. Но, через чуть размыкающиеся веки, увидев белый экран потолка, он вновь с ужасом отворачивался от окружающего, зажимал глаза, боясь увидеть продолжение страшного «фильма» о содеянном в жизни. И все же постепенно мысль о том, что он у себя дома, усиливалась и утверждалась ощущениями собственного тела, тех самых ощущений, которых он был лишен еще совсем недавно. Или это ему только снилось? Новая мысль закоренилась в его сознании. Умом он постепенно начинал осознавать, что он у себя в постели, что он спал и что это был сон, да, ужасный, страшнее не придумаешь, но сон! Но сердцем, душой Митрич не мог принять, не мог поверить, что это был сон. Сердцем и душой он был еще там, в той реальности, которая воспринималась именно как реальность, как настоящая реальность!

«Господи, помилуй мя грешного!..» – шептали губы, а зубы еще от страха выбивали дробь. «Господи, помяни меня в Царствии Твоем Небесном!..» – молился Митрич, вспоминая слова молитв, слышанные им еще в детстве или при редких посещениях церкви...

7

...Сколько времени он так пролежал, Митрич не помнил. Но, когда он, наконец, встал и вышел из дому, то увидел, что дым висит над Ордынкой. Из-за этой сизой пелены ничего не было видно на расстоянии метра. Трудно было дышать, окутывала сонливость. Но Митрич упорно шел вперед хорошо знакомой ему дорогой. Всю жизнь до самой пенсии он работал трактористом. Когда он чуть не наткнулся на жатку, то понял, что достиг своей цели – машинного двора. А вот и трактор, на котором он работал еще два года тому назад. Митрич похлопал его по кабине и стал искать плуг. Из-за дыма он искал, наверное, минут десять.

Подтащив плуг, он стал цеплять его к трактору. Вдруг возле него возникла чья-то фигура. Присмотревшись, он узнал Василия, который работал теперь на его тракторе.

– Ты что, Митрич?– спросил Василий.

– Да вот, плуг цепляю,– ответил тот.

– Разве пашут в июле?– засмеялся Василий.

– Ты лучше помоги цеплять! Нужно село опахать, а то сгорит все!

– А начальство знает?– Василий подозрительно посмотрел на Митрича.

– Скоро узнает, да поздно будет!

– Не-е-е, я без ведома начальства не буду ничего делать...

– Не хочешь, тогда отойди и не мешай разговорами! Ты меня не видел, договорились?

Василий промолчал и скрылся в дыме...

Митрич пропахал вокруг села полосу земли шириной метров десять. Земля была очень сухой и спекшейся сверху, пахать было тяжело, к тому же попадались и корни, и валуны. Приходилось останавливаться и обрабатывать землю лопатой и топором. Митрич справился с задачей, когда огонь по всему периметру подступил ко вспаханной полосе земли. «Слава Богу!– подумал он.– Село спасено!» Когда он на тракторе подъехал к машинному двору, то встретил заведующего, которого только что нашел Василий. Заведующий кричал и ругался на чем свет стоит – как, мол, Митрич мог без него и без председателя взять и... Но Митрич не слушал его. Он шел сквозь дым к себе домой с хорошим чувством на душе, а внутри звучали серебряные трубы, такие же, как в его сегодняшнем сне. С той только разницей, что при звуке их перед Митричем возникали не врата Судилица, а дома родного села и лица знакомых односельчан, по причине густого дыма видимые только вблизи.

С этого дня Митрича было не узнать. «Как подменили мужика!» – говорили люди. Он помогал сельчанам во

всем, в чем мог и как мог. А если помочь был не в силах, то находил для человека слова утешения.

Когда же Митрич помер, то не было в Ордынке человека, который хоть мысленно, а не сказал бы: «Отпусти, Господи, ему прегрешения за доброту его!»

ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА

Антон пришел на службу, как обычно, за пятнадцать минут до начала работы. К этому времени почти все сотрудники уже на своих местах, и ровно в десять начнется размеренный, такой же, как вчера, позавчера, месяц и год тому назад, рабочий день. Никто и ничто не в силах изменить этот заведенный порядок во всех его проявлениях, начиная с одежды, оформления помещений, и кончая делопроизводством на всех уровнях, снизу доверху. Все разнообразие заключалось лишь в том, что сегодня первая выкуренная сигарета будет не в десять сорок пять, а в одиннадцать пятнадцать, предобеденная чашка кофе на двадцать минут раньше, чем вчера, и обедать будут не в «Макдоналдсе», а в «Ростиксе». Итак, каждый день лишь с чуть заметными вариациями, которые не нарушают этот порядок, а лишь подчеркивают его незыблемость. Порядок царил в учреждении, все подчинялось ему, это он говорил устами секретарши: «У вас галстук немного ярковат» или «Где вы взяли рубашку с таким допотопным воротничком?». Впереди виделась бесконечная череда одинаковых рабочих дней, одинаковых выходных, тоже с небогатым набором дел и развлечений, повторяющихся изо дня в день. Можно было легко предвидеть, что скажет тот или иной сотрудник, жена или сын в ответ на твой вопрос или замечание.

В этом единообразии жизнь летела, как стрела, выпущенная из лука кем-то когда-то и без твоего

ведома. Хотелось крикнуть жизни: «Стой, остановись! Куда ты несешься, как угорелая?». Но никто не кричал, и лишь глубокое бездонное недоумение по этому поводу читал Антон в глазах сотрудников и домочадцев, предполагая, что они то же самое читают и в его глазах. И имя всему этому было – тоска.

По всей видимости, сегодня она перешла некий предел, и, когда Антон ехал домой, им овладела давящая все и вся отупелость. Мыслей после работы у него уже давно не бывало, а сегодня ничто не оставляло в его душе даже обычных эмоциональных откликов. Каким-то краешком своего сознания он понимал, что это не умственная усталость, а самая настоящая душевная тупость, но ничего поделать с этим не мог. Прогоня между станциями метро пролетали как дни, месяцы и годы его жизни, и осознание этого еще более усугубляло его теперешнее состояние.

Жена смотрела очередной сериал, оторвавшись только затем, чтобы приветствовать его дежурной улыбкой. Чада были заняты своими обычными делами: сын играл на компьютере, а дочь одним глазом глядела на экран dvd-плеера, где демонстрировался какой-то супермолодежный фильм, а другим – в свой всегдашний журнал. Все было, как всегда. И ужин был обычным, как всегда, и пиво его любимое, которое он пил каждый вечер. На кухне царил идеальный порядок, все блестело, даже пепельница, возле которой лежали его сигареты и зажигалка – он любил покурить после ужина.

Ничто не нарушало обычного заведенного хода вещей, ничто, впрочем, кроме одного – все усиливающейся тоски. Она опускала ему веки, закрывала глаза, которые и так ни на что не хотели смотреть. Наскоро поужинав и покурив, не приняв душ, Антон тихо прошел в спальню, и завалился на постель. Сон не шел, сознание тяжело ворочало неясные, но тяжелые глыбы каких-то темных образов, и он долго лежал, изредка переворачиваясь с боку на бок. Откуда-то появились шеренги людей на одно лицо, в одинаковых темно-серых костюмах, белых рубашках, похожих галстуках и черных ботинках,

которые шли по улице. Женщины выделялись среди мужчин только формами тела и наличием юбок вместо брюк. Вокруг стояли абсолютно одинаковые дома, по мостовой двигались абсолютно одинаковые автомашины, витрины соответствующих магазинов и их вывески были абсолютно одинаковы. Если кто-то улыбался, то все начинали улыбаться, если кто-то хмурил брови, то все начинали хмуриться, если кто-то покупал фаст-фуд, то все начинали есть фаст-фуды. Антон обнаружил, что и он является одним из этих людей, у него мурашки побежали по спине, он захотел бежать, но не мог повернуть в сторону и перейти на бег, как ни силился – ноги не слушались его, они были частью шеренги, как и он сам.

Но вдруг, что-то произошло, шеренги расстроились, шаг сбился, люди в страхе стали хватать друг друга за руки, любопытные высыпали из магазинов, заведений и учреждений. Никто не мог понять, в чем дело, на всех лицах была написана растерянность. Откуда-то стала звучать мелодия, и она была не похожа ни на что слышанное ранее. Когда же ритмичный топот тысяч ног стих, так как люди, по большей части, остановились, Антон услышал музыку. Это играла флейта. Она звучала все громче и громче, заполняя собой все пространство и вовне и внутри. Вот высокая долгая нота ее задрожала на пределе, задрожала и оборвалась... Антон начал метаться и искать, где же эта флейта, где эта мелодия, как что-то родное и близкое, которое столько искал, нашел и, вдруг, потерял – Боже, ну, где же она?! – вначале по улице, расталкивая таких же мечущихся, как он сам, потом в чем-то темном, вязком и давящем, потом в постели...

Он открыл глаза, продолжая шарить вокруг себя по простыни, по одеялу, оглядывая темную комнату и тяжело дыша. «Господи, что же это было?.. Мелодия... музыка... флейта... Флейта, ну, конечно, флейта!..». Это была флейта, его флейта, на которой он играл в детстве и подростковом, по классу которой он даже одно время учился, и подавал большие надежды, все преподаватели

говорили ему о таланте и прочили блестящее будущее. Но родители рассуждали практично, да, что родители, он и сам так рассуждал – в наш век нужно заниматься прибыльным делом, все остальное нужно забыть! Забыть?! «Но почему забыть?! Почему нужно было забыть?!» – думал он сейчас.

Антон находился еще на грани сна и реальности, когда размыты все каноны и установки сознания, когда низвергнуты все авторитеты бытия, когда ясно слышен один голос, голос своей души. И этот голос говорил ему сейчас, спустя почти двадцать лет: «Возьми свою флейту. Почему нельзя заниматься делом и играть на флейте? Смешно? Будут смеяться? Почему не смеются над богатыми, которые, как дети, занимаются тем, чем они хотят? Вернись к себе, возьми свою флейту и играй! У тебя талант, и ты должен его реализовать в жизни, ты должен играть, по крайней мере, для себя и людей, которые тебя окружают, это исцелит и возродит тебя, как вода возрождает засохшее дерево, путника, умирающего от жажды, землю, потрескавшуюся от зноя! Играй, не бойся быть инаковым, непохожим, будь собой!»...

Флейта лежала на том же самом месте, где она лежала всегда, несмотря на все переезды. Почему она хранилась, никто в семье не смог бы дать вразумительного ответа, но она хранилась, то ли как реликвия, то ли как память, то ли просто в силу своей необычности. Он бережно вытащил сверток, развернул, осторожно взял флейту двумя пальцами, словно боясь сломать, некоторое время просто держал ее, привыкая, потом нерешительно поднес к губам и издал несколько звуков. Руки дрожали, он перевел дыхание и закурил. Звуки, вызванные им к жизни, успокоили его и вызвали к жизни приятные воспоминания, связанные с музыкой. Антон снова взял флейту, на этот раз увереннее, и заиграл, заиграл, не думая ни о чем, ни о том, что скажут жена и дети, соседи, коллеги по работе, друзья и знакомые, заиграл во всю силу своих легких. И случилось странное, вначале замолкли виртуальные взрывы и выстрелы, затем гвалт и

гомон сериальных разборок, и громкие глухие ритмы тяжелого рока, в квартире смолкло все, кроме флейты. Через некоторое время в спальню вошли по очереди с широко раскрытыми испуганными глазами жена, удивленная дочь и насмешливо ухмыляющийся сын. Но по мере того, как они слушали и видели непередаваемые выражение лица отца, движения его рук и всего тела, по мере того как мелодия все больше и больше звучала, заполняя собой пространство, лица жены и детей светлели и становились естественными, словно очищаясь от всего не своего, не свойственного их душе...

На следующий день Антон принес флейту на работу. Он решил играть несколько минут перед началом работы, после работы и подольше в обеденный перерыв. Реакция сотрудников была похожа на реакцию домочадцев, были и насмешки, и откровенные издевательства, и верчение пальцем у виска, и просто сочувственные улыбки и взгляды. Но, затем, люди все с большим и большим интересом стали относиться к игре Антона, а через месяц они уже не представляли себе, придя на работу, что не услышат чудесных очищающих душу и воодушевляющих мелодий этой удивительной флейты.

Вскоре у сотрудников дома появились семейные портреты, писанные маслом и акварелью, натюрморты. Одежда их на работе, продолжая оставаться достаточно строгой, стала более разнообразной. Стали регулярными совместные выезды за город, походы в театр и на концерт, на день рождения виновники торжества получали поздравления в стихах.

Главное же было не это – у всех посветлели лица, засветились и потеплели глаза, подобрили отношения, и после работы люди понесли это состояние и в транспорт, и в свои дома. И там все постепенно стало меняться к лучшему.

Ведь хорошее тоже заразно!

ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ

В нашем краю строится дом. Ничего необычного в этом нет, много повсюду строится домов – от маленьких до гигантских. Но этот дом особенный, и вовсе не потому, что он не многоквартирный и не дворец загородный какой-нибудь... Да такой и не стали бы строить сейчас в селе, в сотне километров от ближайшего города, на берегу тихой речки Росинки.

Его особенность – в другом. Обычно дом строится с фундамента и далее вверх до самой крыши. Так заведено, чтобы верхнее бревно или верхняя конструкция опиралась на нижнюю. Здесь же любопытный мог видеть мощный фундамент с поднимающимися из него железобетонными опорами. А на них стоял прочный свод из того же материала. Таким образом, бревна, которые будут крепиться в пазах вертикальных опор, не несут никаких силовых функций. Их выполняет весь каркас, в который входит фундамент, опоры и свод...

Читатель может решить, что он по ошибке читает не рассказ, а пояснительную записку к строительному чертежу, поэтому больше о конструкции ни слова.

Итак, на берегу нашей славной речки строится дом. И пока еще лежит роса, и молчат топоры плотников, хозяин, он же, как оказалось, и руководитель работ, собрав вокруг себя строителей, что-то им объясняет. Видимо в словах его есть много смысла, ибо рабочие внимательно и с почтением слушают.

А вокруг – раннее летнее утро. Солнце уже проснулось, но еще робко выглядывает из-за густых ветвей рослой березы, что растет на берегу. Вдали на холме видна большая белая церковь. Кузнечики начали свою упорную несмолкаемую на свету песню, высоко в небе залетали ласточки, со всех сторон слышен разноголосый птичий щебет. Неспешно, словно еще не проснулась, течет речка, на том берегу играет на солнце палитрой зелени лес. На траве, куда падают лучи,

вспыхивают яркие золотинки, а в неосвещенных местах тяжелым бисером лежат капли серебра. Эта драгоценная россыпь везде, куда ни достает взгляд, посему погода обещает быть хорошей. Все сбросило свою утреннюю вуаль, солнце касается людей, теплеет на душе, светлеют взгляды. И эта красота вокруг, и голос руководителя, который так созвучен окружающему пейзажу, что воспринимается его неотъемлемой частью, и разумные доводы, и уверенное поведение, в сочетании с добрым взглядом, все это просто располагает людей к труду, вернее к творению. Иначе не скажешь, глядя на конструкцию будущего строения, на каждый элемент ее, говорящий о творчестве.

Во всю статью, как бы выросший из земли, гордо стоит на берегу умытый росой и освещенный солнцем высокий остов дома. И все же не выше церкви, что на холме, стоит, да и не должен быть выше. Солнце чуть поднялось, но береза бросает все еще длинную тень на него, на людей, на речку, и отделяет золотую росу от серебряной.

Бодрость и серьезность чувствуется и вовне, и внутри. Даже маленький щенок, обычно шаловливо резвившийся под ногами строителей, играя с дурманно пахнущей стружкой, с мелкими инструментами и одеждой, и тот сегодня по-взрослому более серьезен.

Еще часок, другой, и потянутся сельские мужички, кто посвободнее, да не пьян со вчерашнего, да ребятня, а позже, управившись с хозяйством, и бабы любопытствовать. К вечеру совершат с заездом сюда свой мотокросс парни с девушками на задних сиденьях мотоциклов. После вечерней службы зайдет простой, но очень образованный сельский священник. Придет, опираясь на трость, и городской житель, пенсионер, отдыхающий тут у родных. Все хотят посмотреть, как уже врос в их окрестную сирость новый дом. И, что интересно, ни зависти, ни злости, ни какого-либо отторжения, ни у кого и в помине нет. Радуются, как своему. Да оно и есть свое. Ибо Русанов, предприниматель из областного центра, прежде, чем

поставить дом себе на облюбованном месте, недалеко от запруды, что в километре отсюда, решил построить дом для сельчан – клуб не клуб, но и не магазин, – общий дом для культурных и общественных целей.

«Да неужели раскошелился купец, не верю, где такой найдется?» - не мудрствуя лукаво, прямо спросит читатель. Нашелся, верите ли, не просто купец, а верующий, по совести живущий, который знает, что велел Бог десятую часть на творение благих дел направлять. Отдавать, как солнце светит, как река течет, как дерево растет, как красота природная живет. Да не просто, а со смыслом! от и строится на берегу Росинки дом, как творение, всему миру местному центр тяжести, центр притяжения для равновесия. Красота!

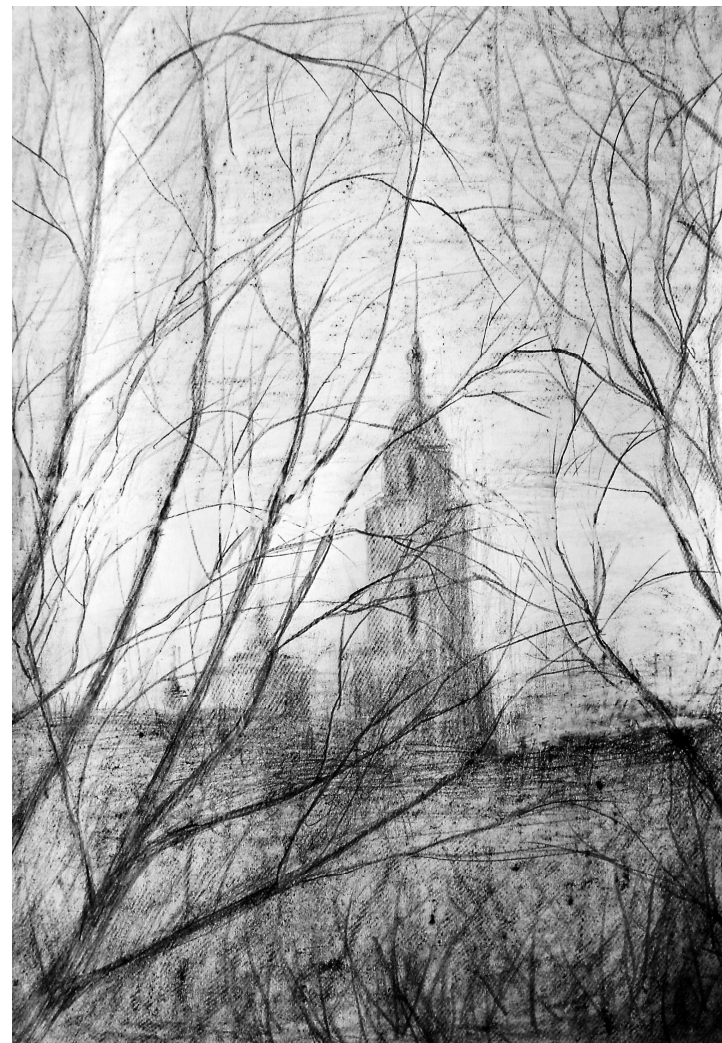
ПИСЬМА ИЗ ТУЛЫ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Приветствую тебя, мой дорогой друг!

Как ты знаешь, я выбрал тему диссертации – «Город Тула – щит России в веках». И уже вижу, как ты, недовольно поморщившись и насмешливо улынувшись, откладываешь мое письмо в сторону. Я понимаю, что тебя совсем не интересуют мои исторические исследования, так как ты человек совсем другого плана. Ты у меня – великолепная художница.

Я устроился в хорошей гостинице недалеко от архива и областной научной библиотеки, где мне придется много заниматься с материалами по теме диссертации. И поскольку тема – очень глубокая и обширная, а я, как ты знаешь, плохо ничего делать не могу, прожить в этом городе мне придется долго. Поэтому я решил регулярно писать тебе письма. Ты ведь любишь получать их, правда? Обещаю, что не буду много грузить тебя исторической информацией. Постараюсь лишь сообщать

тебе наиболее яркие моменты из прошлой жизни Тулы, которые могут быть тебе интересны как художнику – человеку с воображением. Тем более что ты последнее время часто задумывалась о написании картин на русские исторические темы. А здесь, судя уже по первым материалам, есть много интересного и необычного.

Вот, например, тебе будет интересно узнать, что Тульская крепость была основана Великим Князем Василием Иоанновичем. Вначале она была построена из дуба. Затем по примеру московского кремля, Василий III повелел заложить каменную крепость, кремль. Возникший вокруг нее город имел даже собственного князя. Это говорит о значении, которое придавал Туле Великий Князь. И не случайно, так как город стоял на границе степи и был в ту пору проходом в страну татар. Интересно, правда?

И вот еще что. Ты ведь любишь металлические украшения и всякие замысловатые штучки из металла. Я всегда люблю твоими коллекциями, когда бываю у тебя. А знаешь ли ты, что металлургическое дело в России возникло в Туле? До этого немецкие франки привозили сюда железо из своей земли. Однажды франки, задавшись целью, открыли железное месторождение здесь под Тулою и по разрешению Василия Иоанновича стали добывать руду. Потом они построили плавильные печи и начали отливать тут же пушки, ядра и другие металлические предметы. Вскоре все железное в Москве: ворота, двери, предметы быта и другие изделия были из Тулы. Кроме этого им разрешили торговать железом и изделиями из него с Европой, и они везли все это в Архангельск, а оттуда – уже на запад. Так было дешевле, чем изготавливать в тех краях.

Тебе также будет интересно узнать два факта. Во-первых, когда Иван Грозный шел брать Казань, Тула была осаждена татарами, но они были разбиты. И, во-вторых, Лжедмитрий (Гришка Отрепьев), когда шел на Москву, взял Тулу. Но был окружен, и его с войском

удалось «выкурить» только путем затопления водами Упы – реки, протекающей через город.

Вот бы тебе, дорогая, написать несколько картин по этим эпизодам. Мне кажется, у тебя получится!

Ты знаешь, Тула – город с богатым прошлым и я, наверное, диссертацией не ограничусь. Думаю начать цикл рассказов на темы тульской истории. Поэтому живописных фактов, вдохновляющих тебя на написание картин, будет предостаточно, и искать тебе их не придется. Материалы ты легко найдешь в Государственной библиотеке, тем более что я буду сообщать тебе конкретные эпизоды.

В заключение хочу сообщить тебе, что пригороды Тулы всегда были красивы и обильно наполнены соловьями, и пели они по всеобщему преданию лучше, чем где бы то ни было. Как сейчас – не знаю, чтобы что-то утверждать, нужно провести сравнительный анализ... Но замолкаю, замолкаю, ибо уже вижу, как ты начинаешь зевать при таких моих словах. Единственное, что хочу сказать – отдохнуть где-то за городом пока не удалось, хотя стоит прекрасная погода. С одной стороны нет времени, а с другой для этого нужно подружиться с кем-либо из туляков. Гулял один раз в парке, великолепный парк, больше подобных нигде не видел.

На этом заканчиваю. Целую! И до следующего письма!

P.S. Если хочешь, вот источник, из которого ты можешь узнать об этом подробнее: М.В.Майоров «История Тульского края в воспоминаниях и документах»¹.

¹ Майоров М. В. История Тульского края в воспоминаниях и документах: редкие и труднодоступные тексты [[Текст]] / М. В. Майоров. — Тула: Левша, 2009. — 760 с.: ил. — (Тульские писатели XVIII - начала XX веков; вып. 6).

Звонить тоже буду, само собой. Только по телефону так обо всем не расскажешь, как в письме. Да и у тебя все на бумаге, не нужно будет записывать.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Приветствую тебя, мой дорогой друг!

Извини, что долго не писал, было очень много работы в архиве по поводу диссертации. Все, все, больше об этом ни слова... Впредь обещаю писать чаще.

У меня все хорошо. Обзавелся массой знакомых и друзей. Они не дают мне скучать и во всякое свободное от работы время стараются меня куда-нибудь сводить или свозить, сочетая отдых с интересными впечатлениями. Кстати, из гостиницы по рекомендации одного знакомого я переехал на квартиру. Хозяева – супружеская чета пенсионеров. Старенькие интеллигентные люди, оба учителя, он – учитель русского языка и литературы, в прошлом – завуч в школе, а она, представь, – учитель рисования. У них дома огромная библиотека, в основном – русская классика, и практически в полном объеме. Также множество картин и репродукций. Жаль, тебя нет, ты бы нашла здесь много интересного. Может быть, приедешь когда-нибудь? До Тулы всего два с половиной часа езды на железнодорожном экспрессе, и столько же на автобусе, если нет пробок.

Ну, что я все о себе да о себе? За это время, что я тебе не писал, накопилось очень много всего интересного. Думаю, что и тебе, как художнице, заинтересовавшейся историческими темами, как это видно из твоего письма, это будет интересно.

Начну, пожалуй, вот с чего. В Туле была древняя церковь в честь иконы Казанской Божьей матери. К сожалению, она до сих пор не восстановлена. Располагалась церковь рядом с кремлевской стеной и знаменитым Оружейным заводом, основанным Петром I и носившим ранее его имя.

Построена эта церковь была в 1646-1649 годах на средства царской казны во время правления Алексея Михайловича. А строил ее протоиерей Московского Благовещенского собора Лукиан Кириллов. Он в свое время был духовником упомянутого царя, но попал в опалу и был послан служить в Тулу в эту самую церковь. Через него государь Алексей Михайлович передал храму много старинных икон, которые с тех самых пор хранились здесь.

В частности в храме хранилось несколько ценных икон Казанской Божией Матери. Первая из них была подарена храму царем Алексеем Михайловичем и его женой Марией Ильиничной в 1665 году; вторая, шитая золотом и серебром по красному атласу с жемчужными звездами, была дарована царицей Натальей Кирилловной Нарышкиной; третья была прислана в храм Казанским митрополитом Маркелом в 1698 году. Также в храме была Владимирская икона Богородицы 1597 года в оправе, сделанной из золота и серебра.

Храм был двухэтажным. На первом этаже был алтарь во имя Архистратига Михаила, а на втором – во имя преподобного Сергия Радонежского.

В 1838-м году церковь была разобрана, и на ее месте под руководством архитектора Федосеева В.С. была построена новая церковь. В 1856 г. она была освящена. Все иконы и стенная живопись были написаны художником Мягковым Т.Е.

И еще один очень интересный факт. В 1922 году на колокольне было явление чудотворной иконы «Споручница грешных». Это было воспринято новыми властями как контрреволюционная деятельность. Весь притч был арестован вместе с епископом Иувеналием, а новоявленная чудотворная икона изъята. По постановлению Тулгубисполкома в 1923 году церковь закрыли, и здание передали коллективу работников милиции.

Таким образом, как видишь церковь, построенная царем, и снабженная старинными иконами была закрыта

в мановение ока и тогда, когда еще не было массовых репрессий против Церкви. Это было одним из знамений.

Вот тебе, дорогой друг, и триптих:

1) царь посылает в ссылку опального священника, своего бывшего духовника Лукиана Кириллова со старинными иконами служить в Тулу в церкви в честь иконы Казанской Божьей матери,

2) действующая церковь (перестроенная в 1838 году)

3) новые власти арестовывают весь притч, изымают новоявленную чудотворную икону «Споручница грешных» и закрывают храм.

Дарю тебе идею и, думаю, у тебя хорошо получится! В одном этом триптихе можно показать и противостояние эпох, и противостояние духовности и антидуховности. Если тебя это заинтересует, напиши, могу прислать материалы, их здесь в избытке.

А сейчас хочу тебе сообщить очень интересную информацию, которая даст представление о жизни в мещанской среде Тулы совершенно в другом ракурсе. А то у нас, благодаря, нашим классикам, о мещанах сложилось однобокое и негативное мнение.

Представляешь – жил в Туле ямщик Иван Андреев, который был любителем нумизматики, причем довольно осведомленным. А его жена была еще более образована в этой области и приобретала замечательные нумизматические редкости. Эта супружеская пара снабжала ими даже многих московских антикваров. Кроме того, в их доме была великолепная библиотека, а в ней много редких рукописей. Вот так мещане, не правда ли!

Думаю, что не утомил тебя информацией, что тебе это все интересно. Если ошибаюсь, то напиши, и я более не буду писать тебе на эти темы. Но замолкаю, так как знаю, что ты не любишь обилия слов, и уже морщишь милые лобик с носиком.

На этом заканчиваю.

Целую! До следующего письма! Твой Андрей.

P.S. Это все я узнал, изучая следующие источники, которые, думаю, тебе будут небезынтересны:

1. М.В.Майоров, «История Тульского края в воспоминаниях и документах²»,

2. М.В.Майоров, «Тульская губерния проездом»³,

3. М.В.Майоров, «Литературный транзит: Тульская губерния проездом...»⁴

Выбери время и приезжай, не пожалеешь. Природа здесь замечательная, тебе очень понравится.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Приветствую тебя, мой дорогой друг Тоня!

Знаю, что ты не любишь, когда я зову тебя по имени и предпочитаешь обращение - «мой друг». У каждого человека свои предпочтения. Но позволь называть тебя по имени, так как очень скучаю. Мы уже давно не виделись. И, когда я пишу твое имя, то чувствую, что ты здесь, рядом со мной. Впрочем, как скажешь.

Хозяева квартиры, в которой я живу, Максим Петрович и Галина Анатольевна, знают о тебе и приглашают приехать. Так что, как соберешься, позвони и приезжай. Повторяю, найдешь у них для себя много интересного, в том числе в области истории искусства.

² Майоров М. В. История Тульского края в воспоминаниях и документах: редкие и труднодоступные тексты [[Текст]] / М. В. Майоров. — Тула: Левша, 2009. — 760 с.: ил. — (Тульские писатели XVIII - начала XX веков; вып. 6).

³ Майоров, Михаил Владимирович. Тульская губерния проездом / М. В. Майоров ; [рецензент И. В. Пантелеев]. Вып. 2: Литературный транзит / Майоров, Михаил Владимирович. — Тула: Гриф и К, 2008. — 267 с. : ил., портр. — (230 лет Тульскому наместничеству).

⁴ Майоров, Михаил Владимирович. Литературный транзит: Тульская губерния проездом...Вып.2 / М. В. Майоров. — Тула: Гриф и К, 2008. — 272с.:ил. — (230 лет Тульскому наместничеству). ISBN 978-5-8125-1076-3: 200.00— 1. краеведение

Мы все будем тебе рады, особенно я. Все, все... замолкаю.

Удивляешься, что я это письмо шлю через три дня после предыдущего. Просто не все интересное сразу удалось сообщить в том письме. А интересного много.

Вот, например, в Туле хранятся царские грамоты и высочайшие рескрипты, жалованные оружейникам, начиная от царя Михаила Федоровича Романова до императора Александра Павловича. Так что оружейный завод, основанный, как я тебе уже писал, Петром I, был создан не на пустом месте и не зря. Он вобрал в себя традиции оружейных мастеров, которые работали в Туле издревле, и стал поистине градообразующим предприятием, как говорят в наше время.

Всему оружейному сословию Тулы императором Александром I в знак благодарности за поднесенные в Москве в день коронации отличное оружие и разные изделия из стали был подарен золотой ковш. С подарком был вручен и рескрипт.

На ковше, в частности, были и такие слова: «...в знак благодарности за поднесения от их усердия разные мастерства их изделия и в поощрение к распространению и усовершенствованию от оных».

А рескрипт, который является настоящим произведением словесного искусства, гласил, что поднесенные от Тульского оружейного общества изделия собственного изготовления приняты как знак усердия и как показатель искусства мастеров. В рескрипте император поручает директору оружейного завода выразить истинную признательность обществу, уверить, что ему, Александру, приятно видеть возрастающие успехи, и выражает надежду на то, что искусство тульских мастеров будет доведено до высочайшей степени совершенства.

Это все происходило в 1801 году. А теперь представь, тульские мастера снабжали оружием еще войско Дмитрия Донского! И все последующие века Тула была вначале основной, а во второй половине XX-го века – одной из основных кузниц вооружения. Вот что это за

город, город необыкновенного значения, необыкновенной сути и судьбы!

И еще интересная деталь. На оружейном заводе в те времена работали кричные мастера. Кричный процесс, так это производство называлось в России, это процесс получения железа из руды, минуя доменную печь, во вращающихся трубчатых печах. В результате образовывалась крица – губчатая масса железа с низким содержанием других элементов и со шлаковыми включениями, которые заполняли все поры и полости. Этот способ просуществовал в мире до 1931-35-х годов. Кроме того крицу до XVIII-го века получали еще и путем кричного передела чугуна.

После получения крицы ее проковывали для удаления шлаков, разбивали на части и уже из них ковали полосы для дальнейшего производства.

Извини за такой экскурс в металлургическую технологию. Но это очень интересно, так как ты, наверное, всегда думала, что чугун плавится только в больших доменных печах. А вот, поди ж ты, как было!..

И, наконец, та деталь, о которой я хотел тебе рассказать. Кричные мастера на Тульском оружейном заводе получали по 40 коп. за пуд крицы. А подмастерья – по 1 коп. Чувствуешь, какой был стимул для совершенствования в деле, в мастерстве? В сорок раз больше заплатят!

Я уже тебе писал, что друзья часто водят меня на прогулки по городу. И вот однажды, когда мы были возле памятника Петру I у проходных современного оружейного завода, мне рассказали, что на том месте, где сейчас находится завод, раньше было городище, первоначальный город, то есть место, откуда пошла Тула.

Это меня поразило, так как символично: сердце Тулы по смыслу – оружейный завод был создан в месте, которое является географическим сердцем города.

Думаю, что все-таки, как ни старался, а утомил тебя. Поэтому заканчиваю.

Целую. Пока!

Твой Андрей.

Посмотри следующие источники:

4. М.В.Майоров «История Тульского края в воспоминаниях и документах»⁵,
5. М.В.Майоров «Тульская губерния проездом»⁶,
6. М.В.Майоров «Литературный транзит»⁷,
7. Энциклопедический словарь, товарищество «Братья А. и И. Гранат и Ко»⁸.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Приветствую тебя, мой дорогой друг, Тоня!

Ты ничего не написала по поводу имени Тоня. Мне хочется называть тебя так, как называют близких друзей. Из твоего молчания я делаю заключение – не против. Очень хорошо, что согласилась приехать. Нужно только договориться о времени, чтобы можно было спланировать твой отдых и занятия. Я ведь знаю, ты любишь совмещать, и всегда берешь с собой эскизник, мольберт с красками и фотоаппарат. Максим Петрович и

⁵ Майоров М. В. История Тульского края в воспоминаниях и документах: редкие и труднодоступные тексты [[Текст]] / М. В. Майоров. — Тула: Левша, 2009. — 760 с.: ил. — (Тульские писатели XVIII - начала XX веков; вып. 6).

⁶ Майоров, Михаил Владимирович. Тульская губерния проездом / М. В. Майоров ; [рецензент И. В. Пантелеев].

Вып. 2: Литературный транзит / Майоров, Михаил Владимирович. — Тула: Гриф и К, 2008. — 267 с. : ил., портр. — (230 лет Тульскому наместничеству).

⁷ Майоров, Михаил Владимирович. Литературный транзит: Тульская губерния проездом...Вып.2 / М. В. Майоров. — Тула: Гриф и К, 2008. — 272с.:ил. — (230 лет Тульскому наместничеству).

⁸ Энциклопедический словарь т-ва "Бр. А. и И. Гранат и К°"/ худож. Л. Пастернак. - Москва : Гл. контора т-ва "Бр. А. и И. Гранат и К°", 1910-1948. - 23-24 см

Галина Анатольевна заочно уже полюбили тебя и передают привет и приглашение приехать.

Прошлый раз я много писал об оружейных дел мастерах. И сегодня хочу продолжить эту тему, так как нашел еще много интересного из их жизни.

Тебе будет интересно узнать, что оружейники, отличались такими ловкостью, проворством и мастерством, что могли из груды беспорядочно перемешанных деталей разобранный замок ружья за несколько секунд собрать работающее изделие. Они отличались большой смышленостью и бойкостью, понятливостью и переимчивостью: стоило им один раз взглянуть на какое-то незнакомое изделие, чтобы сделать его безо всяких чертежей.

Кроме всего вышесказанного оружейников отличала большая любовь к занятиям гимнастикой или, как сейчас говорят, физкультурой. Они очень любили плавать, бегать на коньках и участвовать в кулачных боях.

Плавали они, как правило, в часы отдыха от работы в жаркие летние дни. Причем многие из них не просто заходили в реку, а отважно прыгали в нее, бросались с головой со свай, с моста или шлюза с четырех-пяти саженой высоты (одна сажень равнялась 2,1336 метра). В воде они плавали всеми известными стилями плавания, при этом нигде этому специально не обучаясь.

Когда же Упа замерзала и основательно покрывалась льдом, то начиналось беганье на коньках. Многие оружейники умели хорошо кататься, причем некоторые из них с большой ловкостью мастерски выводили на льду буквы, слова и различные узоры.

Что касается кулачных боев, то они проходили только зимой по воскресеньям и заканчивались в понедельник первой недели великого поста. Бои проходили между двумя стенами, как тогда выражались – Оружейной и Градской. Замечательно то, что каждая из стен имела своего атамана и своих богатырей.

Всего же в Туле было деление на три части. Кроме вышеназванных двух, была еще Чулковская слобода.

Причем в Оружейной слободе и Чулково жили по преимуществу оружейники, а в Градской – купцы и мещане.

Ты знаешь, у тульских мастеров была одна большая страсть – любовь к голубям. Не было практически ни одного дома в их слободе, где бы не стояла голубятня со стаей голубей. И очень часто в ясный летний день все небо было покрыто голубями, а на многих крышах можно было увидеть любителей, машущих длинными шестью.

А уж как любили тогда мастера петь! Летом они собирались на берегу Упы или на улице и пели хором духовные песни, псалмы, народные и другие песни, в зависимости от того, в какое время они жили. Хоры всегда составлялись из голосов отборных, и в ночное время это производило впечатление очень сильное.

Вообще, мастера Тулы имели большую склонность не только к пению, но и к поэзии. Так что некоторые из них, не обучаясь этому специально, правильно рифмовали и клали стихи на голоса. Следует также сказать, что самый любимый род их песенного творчества – сатирический из-за природной склонности к насмешкам.

Нравы же тульских граждан походили скорее на иностранные нравы, чем на русские. Туляки были всегда хозяйственно расчетливы и приглашали к себе домой не часто и не потому, что были скупы, а потому что считали верхом неприличия отпустить гостя без отличного угощения.

Самым образованным в Туле в старые времена было духовенство, которое любило заниматься богословием, философией и словесностью...

Тоня! Одним словом у меня появилась идея. Ты пишешь, что уже начала серию картин на основании материалов, которые я дал. Это замечательно! В этом плане видится и серия таких бытовых и рабочих зарисовок, которая, может быть, приведет к серии больших картин, отражающих трудовые моменты, быт и нравы туляков далекого прошлого. Как историк и

патриот думаю, что знание своих корней и любовь к ним, это основа основ.

На сем кончаю. Целую и жду приезда!
Твой Андрей.

P.S. Если тебе интересно:

8. М. В. Майоров «История Тульского края в воспоминаниях и документах»⁹,

9. М. В. Майоров «Тульская губерния проездом»¹⁰.

⁹ Майоров М. В. История Тульского края в воспоминаниях и документах: редкие и труднодоступные тексты [[Текст]] / М. В. Майоров. — Тула: Левша, 2009. — 760 с.: ил. — (Тульские писатели XVIII - начала XX веков; вып. 6).

¹⁰ Майоров, Михаил Владимирович. Тульская губерния проездом / М. В. Майоров ; [рецензент И. В. Пантелеев]. Вып. 2: Литературный транзит / Майоров, Михаил Владимирович. — Тула: Гриф и К, 2008. — 267 с. : ил., портр. — (230 лет Тульскому наместничеству).

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ.....	3
ТАКТ.....	5
СОН В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ.....	7
КУРИННЫЙ КОЛДУН.....	13
БОМЖ.....	15
ПРЫЖОК.....	34
«ЕСЛИ Б МОЛОДОСТЬ ЗНАЛА, А СТАРОСТЬ МОГЛА!..».....	43
ЗА ДОБРОТУ ЕГО!	68
ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА.....	79
ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ.....	83
ПИСЬМА ИЗ ТУЛЫ.....	87
Письмо первое.....	87
Письмо второе.....	89
Письмо третье.....	93
Письмо четвертое.....	96

Иллюстрации – художник О. В. Чмыр

Фотография на обложке – Я. Н. Шафран

Библиотека журнала «Приокские зори»

Яков Шафран

В ПУТИ

Проза

Компьютерный набор: Я. Н. Шафран
Компьютерная вёрстка и изготовление
оригинал-макета: Я.Н.Шафран
Редактирование и корректура:
О. В. Чмыр, В. В. Резцов, А. А. Яшин
Художественное оформление:
О. В. Чмыр

Контакты автора:
E-mail: byans@yandex.ru
Сайт: <http://stihi.ru/avtor/byans>
Тел.: 8-953-443-14-69

Издатель – ордена Г. Р. Державина,
медалей М. В. Ломоносова и Н. А. Некрасова
литературно-художественный и публицистический журнал
«Приокские зори»

Подписано в печать 23.04.2012 г.
Формат 60х84/16. Печ.л. 5,8
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 077

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 92